

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2021
4 (30)

ISSN 2587-9472
Эн № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-77599

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 4 (30)' 2021

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор:

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте

Заместитель главного редактора:

Алешукина С.А.,

*канд. юрид. наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности
Тверского государственного университета*

Редакционный совет:

Председатель – Семенов А.В., *д-р экон. наук, проф., ректор Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Бабурин С.Н., *д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Букалерева Л.А., *д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Землин А.И., *д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой транспортного права и административного права Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II;*

Сауляк О.П., *д-р юрид. наук, проф., председатель московской коллегии адвокатов «Юристы-профессионалы»;*

Чеха В.В., *д-р юрид. наук, руководитель представительства Россотрудничества в Республике Абхазия.*

**Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.
Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.**

Системные требования: PC не ниже класса Pentium III; 256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows 98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X и выше; мышь.

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

ЗАПАДНЫЕ И ВИЗАНТИЙСКИЕ ВЛИЯНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И БОСНИИ.....	5
<i>Миркович Зоран С.</i>	
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОБОР ПОСЛЕ БИТВЫ НА КОСОВОМ ПОЛЕ В 1389 ГОДУ: СЕРБИЯ НА РАСПУТЬЕ	11
<i>Крилянин Нина Владимировна</i>	

СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	16
<i>Бурова Дарья Александровна</i>	
РЕФОРМА КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ВЕКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	25
<i>Дорохов Николай Иннокентьевич</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

РАССМОТРЕНИЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ СПОРОВ В ПЕРИОД COVID-19 (НА ПРИМЕРЕ СИНГАПУРА)	36
<i>Слабоспицкий Анатолий Сергеевич, Шмыгленко Алексей Денисович</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ	40
<i>Максимкин Юрий Анатольевич, Теплякова Ольга Алексеевна</i>	

Трибуна молодого ученого

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	44
<i>Завьялова Наталья Алефтиновна</i>	
К ВОПРОСУ ОБ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОБОСОБЛЕННОСТИ САДОВОДЧЕСКОГО НЕКОММЕРЧЕСКОГО ТОВАРИЩЕСТВА	53
<i>Иткина Яна Яковлевна</i>	

CONTENTS

ISSUES OF THEORY AND HISTORY OF LAW

WESTERN AND BYZANTINE INFLUENCE IN MEDIEVAL SERBIA AND BOSNIA	5
<i>Mirković Z.S.</i>	

THE STATE ASSEMBLY AFTER THE BATTLE OF KOSOVO IN 1389: SERBIA AT THE CROSSROADS	11
<i>Kršljanin N.V.</i>	

CONTENT, PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW

LEGAL ASPECTS OF SUPPORTING YOUNG SCIENTISTS IN THE RUSSIAN FEDERATION	16
<i>Burova D.A.</i>	

REFORM OF CONTROL AND SUPERVISION ACTIVITY AS A VECTOR OF TRANSFORMATION OF PUBLIC AND LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF STATE AND MUNICIPAL GOVERNANCE	25
<i>Dorokhov N.I.</i>	

RELEVANT ISSUES OF PRIVATE LAW

CONSIDERATION OF CIVIL DISPUTES IN THE PERIOD OF COVID-19 (ON THE EXAMPLE OF SINGAPORE).....	36
<i>Slabospitsky A.S., Shmyglenko A.D.</i>	

RELEVANT ASPECTS OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS

SOME PROBLEMS OF APPLYING THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES AS EVIDENCE	40
<i>Maksimkin Yu.A., Teplyakova O.A.</i>	

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

EVOLUTION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE MOTHER'S MURDER OF A NEWBORN CHILD IN RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATION	44
<i>Zavyalova N.A.</i>	

ON THE ISSUE OF THE PROPERTY SEPARATENESS OF A GARDENING NON-PROFIT PARTNERSHIP.....	53
<i>Itkina Ya. Ya.</i>	

УДК 342.2+322

ЗАПАДНЫЕ И ВИЗАНТИЙСКИЕ ВЛИЯНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И БОСНИИ

Миркович Зоран С.¹,

д-р юрид. наук, постоянный профессор,

e-mail: zoranm@ius.bg.ac.rs,

¹Белградский университет, г. Белград, Сербия

Средневековая Сербия и Босния находились в прямом контакте с Западной Европой и Византией. Босния являлась частью Рашики (Сербии) до середины X в. и с тех пор пошла путем независимого развития. В это время Босния была под властью Византии, а потом, посредством Венгрии, западное влияние одержало верх. В средневековой Сербии видны и западные, и византийские влияния. Со времени Стефана Немани и его сына Саввы (Святого Саввы) византийское влияние одержало верх. В статье двойные, западные и византийские влияния на средневековую Сербию и Боснию показываются через анализ четырех вопросов: государственное устройство; общественный строй; система наказаний; духовная (церковная) сфера.

Ключевые слова: Сербия, Босния, Средние века, влияние, Византия, Западная Европа

WESTERN AND BYZANTINE INFLUENCE IN MEDIEVAL SERBIA AND BOSNIA

Mirković Z.S.¹,

PhD (Jurisprudence), Full Professor,

e-mail: zoranm@ius.bg.ac.rs,

¹University of Belgrade, Belgrade, Serbia

Medieval Serbia and Bosnia were in direct contact with Western Europe and Byzantium. Bosnia was part of Rascia (Serbia) until the middle of the 10th century, and since then it has embarked on the path of independent development. At that time, Bosnia was under Byzantine domination, and later, by virtue of Hungary, Western influence prevailed. Both Western and Byzantine influences are visible in medieval Serbia. Since the time of Stefan Nemanja and his son Sava (Saint Sava), Byzantine influence has prevailed. The dual, Western and Byzantine influences on medieval Serbia and Bosnia will be presented through the analysis of four issues: state system, social organization, the penal system and the spiritual (ecclesiastical) area.

Keywords: Serbia, Bosnia, Middle Ages, influence, Byzantium, Western Europe

DOI 10.21777/2587-9472-2021-4-5-10

The state and social development of medieval Serbia and Bosnia was directly associated with Western Europe and Byzantium.

Bosnia was first mentioned in the work of Konstantin Porphyrogenitus as the western part of Serbia. Until the middle of the 10th century, it was part of Rascia (Serbia), and then it embarked on the path of independent development. Bosnia was initially under Byzantine domination, and then, by virtue of Hungary, Western influence prevailed. Both Western and Byzantine influences were observed in Serbia. Since the time of Stefan Nemanja and his son Sava (Saint Sava) and the final commitment to Eastern Orthodoxy, the Byzantine influence has become stronger.

The dual Western and Byzantine influence on medieval Serbia and Bosnia will be presented through the analysis of four issues: the state system, the social organization, the penal system and the spiritual (ecclesiastical) area.

The state system

Leader. The royal crown was of Western origin. The first Serbian ruler to be crowned with a royal crown was Mihailo Vojislavljević, ruler of Dioclea (Duklja). He received the crown from the Pope in 1077. The tradition of the royal title of Duklja continued to live in the title of the Young King. The mentioned institute of the Young King was introduced according to the Hungarian model. Since the second half of the 14th century, a co-ruler was appointed in medieval Serbia, according to the Byzantine model.

The first Nemanjić to be crowned with the royal title was Nemanja's son, Stefan. Stefan Nemanjić received the crown from Pope Honorius III in 1217. Although he was not the first Serbian king, he is remembered as the "first-crowned king". The previous Vojislavljević dynasty was consigned to oblivion thanks to the persistent claims of the Nemanjić that they laid the foundations of Serbian statehood.

The etymology of the word "king" in Slavic languages is not reliably established, but in science it is associated with the name of Charlemagne (771–814).

The title of king corresponded to the title of rex in Latin texts. Kings were often depicted on frescoes and coins sitting on a throne with a scepter or sword, with a flag and a cross. They wore purple colored clothes and belts decorated with precious stones. Later, an image of a double-headed eagle appears, symbolizing the imperial and patriarchal power, under the direct influence of Byzantium. There were no heraldic symbols in medieval Serbia until the early 15th century. Coats of arms began to appear then under the influence of the West. In Bosnia, heraldic customs were formed under Western, Hungarian influence.

In 1346, King Dusan proclaimed himself tsar (*caesar*, *цъесарь*) and thus elevated the title of ruler to a higher rank. The word tsar in the Serbo-Slavic language indicates its origin from the personal name of Caesar.

In 1402, the title of despot appears. It was the title of Serbian rulers before the conquest by the Ottoman Empire in 1459. The title of despot was one of the three so-called imperial dignities at the Byzantine court.

From the end of the 12th century, Bosnian rulers have been called Bans. The Slavs adopted the word "ban" from the Avars. When the ruling Nemanjić family in Serbia died out, the ban of Bosnia, Tvrtko I, was crowned with a double crown in 1377 and became the "king of Serbia and Bosnia". Since then, the title of king remained with the ruler of Bosnia until the conquest of Bosnia by the Ottoman Empire in 1463.

Both Western and Byzantine elements can be seen in court etiquette and names. According to Western custom, the king was called Lord King (*dominus rex*), and the queen was called Lady Queen (*domina regina*). It was believed that the royal dignity has a divine origin. The ruler was given the epithets "faithful" and "Christ-loving" according to the Byzantine model.

In Serbia, all the nobles were under the direct rule of the ruler, according to the principle of vassalage of the crown. This is due to the influence of the Byzantine model, according to which the title of autocrat (autocrat) implied the unlimited power of the ruler.

In Bosnia there was a system of hierarchical ladder. The noble nobles had subordinate nobles who could also raise nobles of lower rank and so on. It was a typical feudal system adopted from Western Europe.

With regard to the election of rulers, there was a conflict in Serbia between the principles of rulers election among the heirs, who were members of the dynasty, and the accession of the first-born son to the throne. In Bosnia, the electoral principle was applied almost to the end of its State development. Namely, the aristocracy, assembled in Parliament, elected the ruler from among the members of the ruling Kotromanić dynasty. This is noted in the literature as one of the main reasons for the weak power of rulers in medieval Bosnia.

State administration. In Serbia, local units – župas were led by a representative of the ruler – župan. In Bosnia, the title of župan remained until the end of its state existence.

Other names of representatives of the State administration are also appearing in Serbia. These were the names – tepčija, kaznac, and they had Slavic origin. The title of prince was worn by officials, from the village head to the courtiers and members of the dynasty. This title corresponded to the Latin title of count (*comes*).

Since the beginning of the 13th century, Byzantine titles, sevast and especially kefalija have appeared. During the reign of tsar Dušan, kefalija became a general term for the rulers of cities and some administrative districts, and completely abolished the title of župan. It should be noted that tsar Dushan introduced many Byzantine titles and titles in his time. He also introduced the title "judge of my kingdom" on the model of ecumenical judges from Byzantium since the time of the Palaiologos.

In the Serbian Despotate since the beginning of the 15th century, the militarization of public administration begins. The Ottoman perception of the ruling power as absolute prevailed, to which both the state administration and all subjects are completely subordinate. Hungarian influence was present in the arrangement of the ruler's court. Thus, the title "great *čelnik*" at the Serbian court was very similar to the title "count palatine" (*comes palatinus*) at the Hungarian court.

The capital. Since the beginning of the 13th century, there has been no permanent capital in Serbia. The capital was the place where the ruler lived at the moment. It was the same in the then German countries and in Hungary.

In the 15th century, only Belgrade (from 1404 to 1427) and Smederevo (from 1430 to 1459) could be considered real capitals, that is, cities in which the most important state bodies were constantly located.

The social organization

The nobility. The development of the nobility in Serbia can be traced only from the late 12th century. Until that time there was no nobility. The nobility arose in the same way as in other countries of medieval Europe. The nobility are descendants of the old ruling and *župan* families, branches of the ruling house, senior government officials who become family members through marriage.

From the 13th century, society in Serbia has been divided into privileged and unprivileged classes, as in other medieval European countries. People had different rights and responsibilities depending on the class they belonged to.

The influence of the nobility was manifested at meetings or conferences of the aristocracy. These meetings were called "Sabor" in Serbia and "Stanak" in Bosnia. The Bosnian assemblies had more influence, and they retained the right to choose a new ruler.

Nobles in both Serbia and Bosnia owned free hereditary property, which was called "bashtina".

Since the beginning of the 13th century, the Byzantine institute of *Pronoia* was introduced in Serbia. The owner of the *pronoia* was obliged to perform military service in the interests of the ruler, and this property could not be alienated without the permission of the ruler. In Bosnia, the *pronoia* institute system was not practiced. This is the proof of a weaker power of the ruler of the realm and a more intensive process of feudalization in Bosnia.

The peasantry. As for the peasantry, both Serbia and Bosnia developed in the same way as the West. The attachment of serfs to the land was also codified in the Law of Dušan. The Dušan's Code, incidentally, obtained Byzantine law to a certain extent. However, in this respect, he could not follow the Byzantine model, because Byzantium maintained the Roman principle until the end of its existence, according to which all inhabitants are equal before the law (since Caracalla granted Roman citizenship to all residents of the Roman Empire in 212).

Cities. Medieval cities in Serbia and Bosnia arose in the same way as other cities of continental Europe. Cities arose as settlements next to fortified castles, which were administrative centers. The same word "city" meant both a fortified castle and an urban settlement. Some of these cities became important trade and craft centers, but did not obtain the importance that they had in Western Europe. They have not achieved the development and autonomous status that reached its peak in German countries thanks to the rule which said: "Urban air makes free" (*Die Stadtluft macht frei*).

The Byzantine cities, which were conquered by Serbia during the reign of Tsar Dusan, retained their municipal structure and, above all, the judicial system. This judicial system was characterized by the participation of state officials (*kefalija* and former *kefalija*) and the ecclesiastical, metropolitan court.

Cities in Serbia and Bosnia, which arose as a result of the development of the mining industry, owe their structure to miners of German origin, the *Sachs* (Saxons, as they were called in Serbo-Slavic pronunciation). At the beginning of the 13th century, Saxons appeared on Serbian lands. They had an autonomous status. The Saxons brought with them Saxon mining legislation. It clearly defined the rights and obligations of miners, maintenance of mines, standards of mining and mineral extraction. The rulers of Serbia granted the Saxons privileges: the right to freely explore minerals and start mining, freedom of religion and judicial autonomy embodied in the Saxon court (*curia Theotonicorum*).

The penal system

For a long time, the main and most common criminal penalties was a fine, that is, monetary penalties. It is only in the Dušan's Code that corporal punishment appears for the first time: mutilation, branding and beating. According to the rules, the mutilation involved amputation of hands, ears, tongue, nose and blinding. The burning was also applied – branding on the cheek, as well as hair and beard burning. The beating was carried out with sticks. These corporal punishments in the Dušan's Code were taken from Byzantine law. There is no saved data about their use. Corporal punishment is mentioned only twice in almost three centuries. These were cutting off the tongue of the leader of the Bogomils on the orders of Stefan Nemanja, as well as punishment of a woman by beating in a Žiča charter. Therefore, it can be concluded that corporal punishment, taken from Byzantium, did not take root in medieval Serbia. Apparently, the norms of customary law continued to be applied in these criminal cases.

Dušan's Code also provides for the death penalty for the "sebri" who raped a noblewoman, for the murderer of a church person, the murderer of a close relative, a robber and thief, etc. There is not a single mention in the surviving sources that the death penalty was used for these crimes. It is most likely that the death penalty, both before and after the adoption of Dušan's Code, was applied to so-called political crimes, infidels (traitors), rebels, etc.

For centuries, the penalty for murder among the Slavs was the payment of a fine (the so-called compositional system). Slavic concepts of punishment for murder collided with both Western and Byzantine ones very early. In 1308, King Milutin rejected the request of Dubrovnik inhabitants that, in case of murder, his subjects should not be subjected to payment of monetary penalties (fines), called "enmity", but the death penalty. From this we can conclude that at the beginning of the 14th century, the Serbs' "enmity" in the form of a fine for murder still excluded the death penalty.

Thus, the penalty for murder in medieval Serbia was a fine of 500 perpers, as a remnant of the compositional system. Only in Dušan's Code an attempt was made to change this and, in addition to fines, to accept the punishments from the Byzantine penitentiary system: punishment by mutilation and the death penalty for qualified types of murder in addition to "enmity" (fines).

There is no evidence that the new penalties for murder, the death penalty and the punishment by mutilation, were actually applied (even during the reign of King Dushan). Rare preserved sources of the 15th century speak of the use of "enmity".

In the criminal law of Bosnia, a fine prevails – the main type of penalty in the system of customary law.

The spiritual (ecclesiastical) area

During the time of Stefan Nemanja and his sons Stefan and Sava, the Eastern Orthodox church tradition was adopted. It was an important turning point in the church and social life of the Serbs. In 1219, thanks to the diplomatic activity of monk Sava (Nemanjić), the Patriarchate of Nicaea granted the right to establish an autocephalous archbishopric in Serbia. Since then, Serbian bishops have elected and ordained an archbishop by themselves.

The Orthodox Church in medieval Serbia actually had the position of a state within a state, status in status. Relations between the state and the church in medieval Serbia, as a rule, were built on the principle of symphony (harmony). The Church had its own legislation, administration and judicial system in the religious sphere. Church dignitaries participated in the work of the State Assembly and took an active part in the most important political decisions.

However, many subjects living in medieval Serbia, especially in coastal and provincial towns (where Saxons and other foreigners lived), were Catholics. There were also Catholics at the Serbian court. The famous Nikola Buća, a Catholic from Kotor, was for many years the Minister of Finance (protovestiar) of tsar Dušan. Dušan's mercenary army consisted of several thousand mostly Catholic Germans, led by the knight Palaman, the closest associate of tsar Dušan in military affairs.

Catholics enjoyed freedom of religion, the right to freely profess their Catholic faith. The Serbian state respected the principle of religious tolerance towards born Catholics. However, Serbia was a confessional

Orthodox state. This meant that Orthodoxy was the official state religion, and that those who were born Orthodox were not allowed to leave this religion and adopt another. Therefore, there was no freedom of religious conscience – it did not exist in other Orthodox and Catholic countries of Europe at that time. The principle of religious tolerance, in the form in which it existed at that time in European countries, was also observed in medieval Serbia. Proselytism, which means, the conversion of the Orthodox to Catholicism, was prohibited, the difference in religion was considered an obstacle to marriage, etc. From a historical point of view, adherence to the Eastern Christian Orthodox Church tradition was one of the key events in construction of the national identity of the Serbs.

The religious situation in medieval Bosnia was more complicated due to the presence of the so-called Bosnian Church. It was about a heretical movement that was originally almost a people's church. The Bosnian church was poor, without monasteries and estates. It opposed the feudal system. Its church rite was Oriental, its service was Slavic. The liturgical books were in Church Slavonic in the Serbian edition. The doctrine of this Bosnian Church was dualistic – it was based on the idea of a struggle between good and evil. Real crusades were waged against the Bosnian Church. Over time, the Bosnian rulers and nobles realized that the persecution of the Bosnian Church was not a religious, but a political issue, that, after all, it was a question of the survival of the Bosnian state and that by defending the Bosnian Church, they were also defending state independence. The Bosnian Church disappeared with the disappearance of the Bosnian state.

Most of the believers of the Bosnian Church have accepted the Serbian Orthodox Church. It was close to them because of the same Eastern rite, the same Serbo-Slavic language of liturgy and, of course, because of the same ethnic origin and customs. A certain number of believers have converted to the Catholic faith, primarily due to the patient work and activities of the Franciscan Order. The Franciscans arrived in Bosnia at the end of the 13th century and founded their monasteries in central Bosnia, which have remained the main stronghold of Catholicism for centuries to this day. A certain number of believers of the Bosnian Church converted to Islam after the arrival of the Ottomans. As a result, Bosnia suffered separation based on religion, which played a decisive role in its entire history.

Список литературы

1. Милош Благојевић, Дејан Медаковић. Историја српске државности. – Нови Сад, 2000.
2. Милош Благојевић. Државна управа у српским средњовековним земљама. – Београд, 2001.
3. Френсис Дворник. Словени у европској историји и цивилизацији / превели са енглеског језика Драгић Живојиновић и Небојша Порчић. – Београд, 2001.
4. Михаило Ј. Динић. Из српске историје средњег века. – Београд, 2003.
5. Законик цара Стефана Душана 1349 и 1354 / издао и превео Н. Радојчић. – Београд, 1960.
6. Законски споменици српских држава средњег века / прикупио и уредио С. Новаковић. – Београд, 1912.
7. Историја српског народа. Књ. 1–2. – Београд, 1994.
8. Историја Црне Горе. Књ. 1–2. – Титоград, 1967–1970.
9. Константин Јуречек. Историја Срба, културна историја. Књ. 2 / превео и допунио Ј. Радоњић. – Београд, 1978.
10. Лексикон српског средњег века. – Београд, 2000.
11. Смиља Марјановић Душанић. Владарска идеологија Немањића. Дипломатичка студија. – Београд 1997.
12. Приватни живот у српским земљама средњег века / прир. С. Марјановић Душанић и Д. Поповић. – Београд, 2004.
13. Матије Властара Синтагмат – азбучни зборник византијских црквених и државних закона и правила (словенски превод времена Душанова) / издао С. Новаковић. – Београд, 1907.
14. Александар В. Соловјев. Законодавство Стефана Душана цара Срба и Грка. – Скопље, 1928.
15. Александар В. Соловјев. Законик цара Стефана Душана 1349 и 1354 године. – Београд, 1980.
16. Теодор Тарановски. Историја српског права у Немањићкој држави. – Београд, 1996.
17. Сима Ћирковић. Историја средњовековне босанске државе. – Београд, 1964.
18. Сима Ћирковић. Срби у средњем веку. – Београд, 1995.
19. Сима Ћирковић. Работници, војници, духовници. – Београд, 1999.

References

1. *Milosh Blagojeviћ, Dejan Medakoviћ*. Istorija srpske drzhavnosti. – Novi Sad, 2000.
2. *Milosh Blagojeviћ*. Drzhavna uprava u srpskim sredњovekovnim zemљama. – Beograd, 2001.
3. *Frensis Dvornik*. Sloveni u evropskoj istoriji i civilizaciji / preveli sa engleskog jezika Dragiћ Zhivojinoviћ i Nebojsа Porchiћ. – Beograd, 2001.
4. *Mihailo J. Diniћ*. Iz srpske istorije sredњeg veka. – Beograd, 2003.
5. *Zakonik cara Stefana Dushana 1349 i 1354* / izdao i preveo N. Radojchiћ. – Beograd, 1960.
6. *Zakonski spomenici srpskih drzhava sredњega veka* / prikupio i uredio S. Novakoviћ. – Beograd, 1912.
7. *Istorija srpskog naroda*. Књ. 1–2. – Beograd, 1994.
8. *Istorija Crne Gore*. Књ. 1–2. – Titograd, 1967–1970.
9. *Konstantin Jirechek*. Istorija Srba, kulturna istorija. Књ. 2 / preveo i dopunio J. Radoњић. – Beograd, 1978.
10. *Leksikon srpskog sredњeg veka*. – Beograd, 2000.
11. *Smiљa Marjanoviћ Dushaniћ*. Vladarska ideologija Nemaњића. Diplomatiћka studija. – Beograd 1997.
12. *Privatni zhivot u srpskim zemљama sredњeg veka* / prir. S. Marjanoviћ Dushaniћ i D. Popoviћ. – Beograd, 2004.
13. *Matije Vlastara Sintagmat – azbuchni zbornik vizantijskih crkvenih i drzhavnih zakona i pravila (slovenski prevod vremena Dushanova)* / izdao S. Novakoviћ. – Beograd, 1907.
14. *Aleksandar V. Solovjev*. Zakonodavstvo Stefana Dushana cara Srba i Grka. – Skorље, 1928.
15. *Aleksandar V. Solovjev*. Zakonik cara Stefana Dushana 1349 i 1354 godine. – Beograd, 1980.
16. *Teodor Taranovski*. Istorija srpskog prava u Nemaњићkoj drzhavi. – Beograd, 1996.
17. *Sima Ћirkoviћ*. Istorija sredњovekovne bosanske drzhave. – Beograd, 1964.
18. *Sima Ћirkoviћ*. Srbi u sredњem veku. – Beograd, 1995.
19. *Sima Ћirkoviћ*. Rabotnici, vojnici, duhovnici. – Beograd, 1999.

УДК 342.5+322

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОБОР ПОСЛЕ БИТВЫ НА КОСОВОМ ПОЛЕ В 1389 ГОДУ: СЕРБИЯ НА РАСПУТЬЕ

Кршлянин Нина Владимировна¹,
д-р юрид. наук, доцент,
e-mail: nina.krsljanin@ius.bg.ac.rs,
¹Белградский университет, г. Белград, Сербия

В статье рассматривается заседание государственного собора в 1389 г., после битвы на Косовом поле, гибели князя Лазаря и больших потерь. Собор, во главе с княгиней Милицей, правящей вместо малолетнего князя Стефана, принял решение подчинить государство султану Баязиду и выдать за него замуж княжну Оливеру, сестру Стефана. Автор анализирует малочисленные источники, свидетельствующие об этом соборе, и значение его решений.

Ключевые слова: государственный собор, сербское средневековое право, битва на Косовом поле, деспот Стефан Лазаревич, княгиня Милица, монархия, дипломатия, традиция, обычное право

THE STATE ASSEMBLY AFTER THE BATTLE OF KOSOVO IN 1389: SERBIA AT THE CROSSROADS

Kršljanin N.V.¹,
PhD (Jurisprudence), Assistant Professor,
e-mail: nina.krsljanin@ius.bg.ac.rs,
¹University of Belgrade, Belgrade, Serbia

The article discusses the session of the State Assembly (Sabor) held in 1389, after the battle of Kosovo, the death of Prince Lazar and great losses. The Assembly, headed by Princess Milica, who ruled in the name of the underage Prince Stefan, decided to subjugate the country to Sultan Bayazid and to let him marry Princess Olivera, Stefan's sister. The author analyzes the few available sources that mention this Assembly, and the significance of its decisions.

Keywords: State Assembly, medieval Serbian law, the battle of Kosovo, Despot Stefan Lazarević, Princess Milica, monarchy, diplomacy, tradition, customary law

DOI 10.21777/2587-9472-2021-4-11-15

The State Assembly is the most important governing body in medieval Serbia after the monarch himself¹. It goes back to military assemblies that were known even during the period of the emergence of the first Slavic proto-states (like the princely Duma in Russia) – this secular element was connected with a pre-existing Orthodox church council. Thus, a body was created in which representatives of the most important nobility and dignitaries of the Serbian Orthodox Church sat together under the rule of the monarch himself. Its jurisdiction was not defined in a written form, but was formed in practice, through customs and precedents.

In summary, it can be said that the rulers often consulted with the council about matters on which they could make decisions independently (e.g. foreign policy, granting the charters, judicial proceedings), especially when they needed additional legitimation for some important decision; but at the same time, a custom was formed according to which the monarch *could not* make major changes, make shifts in the existing legal order and traditions of the country without the consent of the council [1–21]².

¹ The rulers of medieval Serbia bore the titles of prince, Grand Župan, king, tsar, then prince again and finally despot. In this regard, in all generalizations that do not relate to a specific period, it is better to use the neutral term "monarch" or "ruler".

² For more information about the history and jurisdiction of the cathedral, see: Тарановски Т. Историја српског права у немањинској држави. – Београд: Службени лист СРЈ, 1996. – С. 225–262; Радојчић Н. Српски државни сабори у средњем веку. – Београд: СКА, 1950; Недељковић Б.М. О саборима и законодавној делатности у Србији у време владавине цара Стефана Душана, са посебним освртом на доношење законика цара Стефана Душана // Беговић М. Законик цара Стефана Душана. Књ. 1. Струшки и Атонски

One of the most important crucial moments in the history of medieval Serbia, was certainly the battle on the Kosovo field in 1389. The losses were great, and the death of the monarch, Prince Lazar, led to the fact that for the first time a minor ruler ascended the Serbian throne: depending on the exact date of birth, the young Prince Stefan was between 12 and 18 years old at the time of his father's death³. The state was practically ruled by his mother, Princess Milica, from the Nemanjić dynasty. Vuk Branković, married to Stefan's older sister, did not recognize Stefan's authority and ruled a vast territory himself. The invasion of the Ottoman Empire continued, and there was also a threat from the Hungarians in the west. Although the battle itself seemed to be a draw in the eyes of contemporaries, or even a defeat of the Turks, the price of this confrontation was a significant weakening of Serbia, which consequently led to a lost war⁴.

The role of Princess Milica as regent during the youth of Prince Stefan, including the cathedral of 1389, is undoubtedly great. Konstantin the Philosopher in the Life of Despot Stefan emphasizes her wisdom and courage, but also the fact that she understood secular affairs thanks to the experience of ruling⁵ – probably during her husband's lifetime, and even more so, due to circumstances, after his death⁶. Blagojević believes that this could have been expected, since the wives of Serbian rulers had previously replaced their husbands in the absence, or independently ruled certain areas – the widow Queen Helena (wife of Uroš I) even convened regional councils on her territory. In his opinion, Milica simply followed customs in the state administrati⁷. This can be considered true, but nevertheless it is worth bearing in mind the extremity of the situation – both in the sense of the first minor monarch and the mother regent, and in the sense of the very dangerous situation in which the state as a whole occurred.

There is very little news about the Assembly in 1389 in the historical sources, and in many sources of the later period it is not even mentioned, and its decisions are considered to be the decisions of Princess Milica alone⁸. Such assessments were also given by famous historians⁹. However, two pieces of news leave no doubt that the council was convened: one in the introduction of Mining Code of 1412, the other in the "Life of Despot Stefan" by Constantine the Philosopher (Constantine of Kostenets) of 1431. Both sources are very reliable, since the author of the first is despot Stefan himself, and the second is his contemporary, a learned writer who was under the patronage of a despot, and to whom the events of the period of his reign should have been well known. The Assembly was convened by the Milica herself, but the assumption that the Assembly "accepted her as ruler"¹⁰, of course, should be interpreted only in the sense of regency, and not personal desire for power.

Constantine the Philosopher, after a long description of the consequences of the battle for Kosovo, wrote the following:

Симь оубо сице, посылають се ходатаѣ оть сьмысла великааго и ть бо рече, якоже Навоуходоносорь въ оумѣ своємъ обимоу въселеньоую яко и яице роукою моєю. Ходатаѣмъ же съгласимьшиимъ съ госпождею благочестивою о дьштери њеи мьншои Оливерѣ и съ сьвѣтомъ патриярха и всѣхъ свештенныхъ събора и въсею синьклита, вьдаеть сию въ женоу Амирѣ великомуу, въ њеже съпасено

рукопис. – Београд: САНУ, 1975. – С. 25–61; *Ђирковић С.М.* Съборь. Прилог историји сталешких скупштина код Јужних Словена // Работници, војници, духовници: Друштва средњовековног Балкана. – Београд: Equilibrium, 1997. – С. 336–340.

³ *Благојевић М.* Српска државност у средњем веку. – Београд: Српска књижевна задруга, 2011. – С. 312; *Гиљен Н.* Две српске султанѣ. – Београд: Дерета, 2016. – С. 58–59.

⁴ *Михаљчић Р.* Косовска битка // Калић Ј. Историја српског народа, друга књига: Доба борби за очување и обнову државе (1371–1537). – Београд: Српска књижевна задруга, 2000. – С. 42–46; *Михаљчић Р.* Лазар Хребельановић: историја, култ, предање. – Београд: Српска школска књига: Knowledge, 2001. – С. 123–132; *Благојевић М.* Српска државност у средњем веку. – Београд: Српска књижевна задруга, 2011. – С. 310–321.

⁵ *Јагић В.* Константин Философ и његов живот Стефана Лазаревића деспота српског // Гласник Српског ученог друштва. – 1875. – XLII. – С. 263–264. Перевод на современниј сербскиј језик см.: *Константин Филозоф.* Повест о словима; Житије деспота Стефана Лазаревића. – Београд: Просвета: Српска књижевна задруга, 1989. – С. 86.

⁶ О њеј жизни, образовани и роли у власти см.: *Мишић С.* Кнегиња Милица и Лазарево наслеђе // Мишић С., Јечменица Д. Кнегиња Милица – монахиња Јевгенија и њено доба. – Трстеник: Народни универзитет Трстеник: Народна библиотека "Јефимија": Филозофски факултет. – Београду, 2014. – С. 7–15; *Јечменица Д.* Извори и манифестације моћи и утицаја кнегиње Милице // *Ibid.* – С. 17–27; *Гиљен Н.* *Op. cit.* – С. 49–53. Милица продолжила помагати сину у правлени и позже.

⁷ *Благојевић М.* Српски сабори. – С. 28–29.

⁸ См. *Гиљен Н.* *Op. cit.* – С. 35–38.

⁹ Например, см.: *Новаковић С.* Срби и Турци XIV и XV вв. – Београд: Чупићева задужбина, 1893. – С. 225–231.

¹⁰ „... док је власт при важним одлукама за народ и државу делила са Сабором, који ју је прихватио као владарку“. См.: *Гиљен Н.* *Op. cit.* – С. 53.

быти стадо христоименитно отъ вълкъ гоубештиихъ ю. Идетъ же тогда и присьнопомьнимыми брать сею къ самодръжьцоу съ сестрою и отъ толѣ порабоштена бысть сръбская страна еже самъ Стефанъ и съ братомъ своимъ Влькомъ и съ благородными своими и съ прочиими на всако лѣто въ слоужение юмоу приходити¹¹.

As Radojčić has already noted, although the text separately mentions the “Assembly of all the sacred” and the “synclite”, here we are not talking about two bodies. In his opinion, Constantine the Philosopher, as a foreigner, did not quite understand Serbian institutions, and used the old word “synclite” to denote either the secular part of the state council, or the narrow council of the ruler, and the word “Assembly (Sobor)” he used for the assembly of the clergy only¹². Radojčić did not consider this Assembly to be regular: he thought that it was an *ad hoc* solution to an important political issue, and that the regular session took place only after the formal recognition of the princely title of Stefan Lazarević – in this case, by Bayezid¹³. Ćirković also believed that the council was convened only to choose the patriarch (Daniel III, in 1390), and that after the fall of the Tsardom, assemblies were not convened on state issues due to the political fragmentation of the Serbian lands¹⁴. It is still impossible to agree with this opinion: the assembly is somehow mentioned in two of the most reliable sources that speak about this decision, and fragmentation still existed in 1390.

In the Mining Code, despot Stefan himself states:

...и пріехъ съвѣтъ вт патріарха квр Спирідона, и вт инѣхъ архіереѣхъ и вт маике ми кнегыне Милице наречен но иночьскы монахіа Евгеніа и вт всего събора поидох на вьсточноую страну въ Вѣликою Севастію къ вѣликому амірѣ Паязитоу...¹⁵.

Some authors consider it unclear why in the introduction of the Code despot Stefan speaks about the events of fourteen years ago¹⁶. In fact, this is completely logical, since we are talking about the main turning points in his reign. Extensive biographical notes were often found in the charters of Serbian monarchs – the charter of Tsar Stefan Dušan, introducing his Code into force, can be distinguished¹⁷. In this charter, the tsar, among other things, tried to present positively those events that could be interpreted negatively: the overthrow of the father, the proclamation of the Serbian patriarchate and the tsardom. Also, the position of the monarch as Bayezid’s vassal and the marriage of his sister to him can be viewed very negatively – Stefan, now an experienced ruler, emphasizes the need for this act and the fact that it was not his personal decision or his mother’s decision, but the general decision of the council.

The young prince had to become a vassal of the winner – submission to the Muslim ruler, who was also responsible for the death of his father in the Battle of Kosovo, was undoubtedly a heavy blow for him. (Did submission to the Turks seem easier at the background of the Hungarian threat at that moment?) According to the examples of other agreements of the Ottoman rulers with Christian princes, it can be assumed that this subordination implied the payment of tribute and military service of Serbian auxiliary detachments in the campaigns of the Ottoman Kingdom¹⁸. However, as Ćirković correctly noted, although the Serbian rulers entered into vassal relations with the Turks, and then with the Hungarians, “they did not want to withdraw their power from them, but voluntarily chose the Byzantine kings and in this way symbolically showed the great strength of traditional ties”¹⁹.

¹¹ Јагић В. Ор. cit. – С. 263; Константин Филозоф. Ор. cit. – С. 86.

¹² Радојчић Н. Закон о рудницима деспота Стефана Лазаревића. – Београд: САНУ, 1962. – С. 168.

¹³ Ор. cit. – С. 167–169.

¹⁴ Ђирковић С.М. Съборъ. – С. 338–339.

¹⁵ Радојчић Н. Закон о рудницима деспота Стефана Лазаревића. – Београд: САНУ, 1962. – С. 37. (Заглавние буквы в некоторых именах от автора). Сравни: Ђирковић С.М. Латинички препис Рударског законика деспота Стефана Лазаревића. – Београд: САНУ, 2005. – С. 19. Мишич на основе этой формулировки делает вывод, что княгиня Милица созвала собор по совету патриарха. См.: Мишић С. Ор. cit. – С. 8. Нам кажется, что это из текста не следует: церковная часть собора, с патриархом во главе, просто упоминается на первом, почетном месте.

¹⁶ Ђирковић С.М. Латинички препис Рударског законика деспота Стефана Лазаревића. – Београд: САНУ, 2005. – С. 9.

¹⁷ Новаковић С. Закон Стефана Душана, цара српског, 1349 и 1349. – Београд: Задужбина Илије М. Коларца, 1898. – С. 3–5; Бубало Ђ. Душанов законик. – Београд: Завод за уџбенике: Службени гласник, 2010. – С. 71–73 (перевод см.: С. 147–148).

¹⁸ Новаковић С. Срби и Турци. – С. 228; Ђирковић С. Године криза и превирања // Калић Ј. Историја српског народа, друга књига: Доба борби за очување и обнову државе (1371–1537). – Београд: Српска књижевна задруга, 2000. – С. 47–48.

¹⁹ "...од њих нису хтели да изводе своју власт, већ су добровољно одабрали византијске царе и на тај начин симболички показивали велику снагу традиционалних веза...". См.: Ђирковић С.М. Средњовековна Србија између Запада и Истока // Работници, војници, духовници: Друштва средњовековног Балкана. – Београд: Equilibrium, 1997. – С. 384.

The same can be said about the marriage of Princess Olivera: although political marriages, of course, were meant for the daughters of the rulers²⁰, the Muslim husband, the owner of the whole harem, the murderer of the father of the young princess and the conqueror of Serbian lands – all this undoubtedly represented a heavy blow for the whole princely family. For such a marriage, a canonical dispensation was also needed, which was issued extremely rarely²¹. However, this marriage was very significant: Novaković even believed that all the successes of Serbia after the Battle of Kosovo were only the results of successful dynastic marriages, starting with the marriage of Olivera²². This assumption may be too extreme, but it is mostly true: Olivera managed to bring her brother and husband closer together and in many cases help her homeland. Constantine the Philosopher compared her to the biblical Esther²³.

According to Miloš Blagojević, “really big and difficult political decisions” were undoubtedly made at this Assembly, which “narrowed the sovereignty of the Lazarević state, but made possible the survival of Serbia for the next few decades”²⁴. Although the severity and significance of these decisions have long been known, it is necessary to emphasize once again their unusual nature, their difference from already established customs and patterns of state policy, since precisely this also confirms that such decisions could not have been taken without a council.

Список литературы

1. *Благојевић М.* Српски сабори и сабори отачаства Немањића и Лазаревића // Глас Српске академије наука и уметности: Одељење историјских наука. – 2008. – Књ. 14. – No. CDX. – С. 1–40.
2. *Благојевић М.* Српска државност у средњем веку. – Београд: Српска књижевна задруга, 2011.
3. *Бубало Ђ.* Душанов законик. – Београд: Завод за уџбенике: Службени гласник, 2010.
4. *Гиљен Н.* Две српске султаније. – Београд: Дерета, 2016.
5. *Јагић В.* Константин Философ и његов живот Стефана Лазаревића деспота српског // Гласник Српског ученог друштва. – 1875. – XLII. – С. 223–328.
6. *Јечменица Д.* Извори и манифестације моћи и утицаја кнегиње Милице // Мишић С., Јечменица Д. Кнегиња Милица – монахиња Јевгенија и њено доба. – Трстеник: Народни универзитет Трстеник: Народна библиотека "Јефимија": Филозофски факултет у Београду, 2014. – С. 17–27.
7. *Константин Филозоф.* Повест о словима; Житије деспота Стефана Лазаревића. – Београд: Просвета: Српска књижевна задруга, 1989.
8. *Михаљчић Р.* Косовска битка // Калић Ј. Историја српског народа, друга књига: Доба борби за очување и обнову државе (1371–1537). – Београд: Српска књижевна задруга, 2000. – С. 36–46.
9. *Михаљчић Р.* Лазар Хребелановић: историја, култ, предање. – Београд: Српска школска књига: Knowledge, 2001.
10. *Мишић С.* Кнегиња Милица и Лазарево наслеђе // Мишић С., Јечменица Д. Кнегиња Милица – монахиња Јевгенија и њено доба. – Трстеник: Народни универзитет Трстеник: Народна библиотека "Јефимија": Филозофски факултет у Београду, 2014. – С. 7–15.
11. *Недељковић Б.М.* О саборима и законодавној делатности у Србији у време владавине цара Стефана Душана, са посебним освртом на доношење законика цара Стефана Душана // Беговић М. Законик цара Стефана Душана. Књ. 1. Струшки и Атонски рукопис. – Београд: САНУ, 1975. – С. 25–61.
12. *Новаковић С.* Срби и Турци XIV и XV вв. – Београд: Чупићева задужбина, 1893.
13. *Новаковић С.* Законик Стефана Душана, цара српског, 1349 и 1349. – Београд: Задужбина Илије М. Коларца, 1898.
14. *Радојчић Н.* Српски државни сабори у средњем веку. – Београд: СКА, 1950.
15. *Радојчић Н.* Закон о рудницима деспота Стефана Лазаревића. – Београд: САНУ, 1962.
16. *Тарановски Т.* Историја српског права у немањићкој држави. – Београд: Службени лист СРЈ, 1996.

²⁰ At the moment, Olivera’s older sisters were all already married.

²¹ *Гиљен Н.* Op. cit. – С. 81–82.

²² *Новаковић С.* Op. cit. – С. 195–196. См. такође: *Гиљен Н.* Op. cit. – С. 199–202.

²³ *Јагић В.* Op. cit. – С. 321; *Константин Филозоф.* Op. cit. – С. 125. См. такође: *Гиље, Н.* Op. cit. – С. 83–99.

²⁴ "...заиста крупне и тешке политичке одлуке...", "...сузиле су суверенитет државе Лазаревића, али су омогућиле опстанак Србије у неколико наредних деценија". См.: *Благојевић М.* Op. cit. – С. 30.

17. *Ђирковић С.М.* Съборъ. Прилог историји сталешких скупштина код Јужних Словена // Работници, војници, духовници: Друштва средњовековног Балкана. – Београд: Equilibrium, 1997. – С. 336–340.
18. *Ђирковић С.М.* Средњовековна Србија између Запада и Истока // Работници, војници, духовници: Друштва средњовековног Балкана. – Београд: Equilibrium, 1997. – С. 377–384.
19. *Ђирковић С.* Године криза и превирања // Калић Ј. Историја српског народа, друга књига: Доба борби за очување и обнову државе (1371–1537). – Београд: Српска књижевна задруга, 2000. – С. 47–63.
20. *Ђирковић С.М.* Латинички препис Рударског законика деспота Стефана Лазаревића. – Београд: САНУ, 2005.
21. *Kršljanin N.* Interrupted evolution: the Serbian medieval assembly (Sabor) // Parliaments, Estates & Representation. – 2017. – Vol. 37, no. 1. – P. 1–16.

References

1. *Благојевић М.* Српски сабори и сабори отачаства Немањића и Лазаревића // Глас Српске академије наука и уметности: Одељење историјских наука. – 2008. – Књ. 14. – No. CDX. – С. 1–40.
2. *Благојевић М.* Српска државност у средњем веку. – Београд: Српска књижевна задруга, 2011.
3. *Бубало Ђ.* Душанов законик. – Београд: Завод за уџбенике: Службени гласник, 2010.
4. *Гиљен Н.* Две српске султаније. – Београд: Дерета, 2016.
5. *Јагић В.* Константин Философ и његов живот Стефана Лазаревића деспота српског // Гласник Српског ученог друштва. – 1875. – XLII. – С. 223–328.
6. *Јечменица Д.* Извори и манифестације моћи и утицаја кнегиње Милице // Мишић С., Јечменица Д. Кнегиња Милица – монахиња Јевгенија и њено доба. – Трстеник: Народни универзитет Трстеник: Народна библиотека "Јефимија": Филозофски факултет у Београду, 2014. – С. 17–27.
7. *Константин Филозоф.* Повест о словима; Житије деспота Стефана Лазаревића. – Београд: Просвета: Српска књижевна задруга, 1989.
8. *Михаљчић Р.* Косовска битка // Калић Ј. Историја српског народа, друга књига: Доба борби за очување и обнову државе (1371–1537). – Београд: Српска књижевна задруга, 2000. – С. 36–46.
9. *Михаљчић Р.* Лазар Хребелановић: историја, култ, предање. – Београд: Српска школска књига: Knowledge, 2001.
10. *Мишић С.* Кнегиња Милица и Лазарево наслеђе // Мишић С., Јечменица Д. Кнегиња Милица – монахиња Јевгенија и њено доба. – Трстеник: Народни универзитет Трстеник: Народна библиотека "Јефимија": Филозофски факултет у Београду, 2014. – С. 7–15.
11. *Недељковић Б.М.* О саборима и законодавној делатности у Србији у време владавине цара Стефана Душана, са посебним освртом на доношење законика цара Стефана Душана // Беговић М. Законик цара Стефана Душана. Књ. 1. Струшки и Атонски рукопис. – Београд: САНУ, 1975. – С. 25–61.
12. *Новаковић С.* Срби и Турци XIV и XV вв. – Београд: Чупићева задужбина, 1893.
13. *Новаковић С.* Законик Стефана Душана, цара српског, 1349 и 1349. – Београд: Задужбина Илије М. Коларца, 1898.
14. *Радојчић Н.* Српски државни сабори у средњем веку. – Београд: СКА, 1950.
15. *Радојчић Н.* Закон о рудницима деспота Стефана Лазаревића. – Београд: САНУ, 1962.
16. *Тарановски Т.* Историја српског права у немањићкој држави. – Београд: Службени лист СРЈ, 1996.
17. *Ђирковић С.М.* Съборъ. Прилог историји сталешких скупштина код Јужних Словена // Работници, војници, духовници: Друштва средњовековног Балкана. – Београд: Equilibrium, 1997. – С. 336–340.
18. *Ђирковић С.М.* Средњовековна Србија између Запада и Истока // Работници, војници, духовници: Друштва средњовековног Балкана. – Београд: Equilibrium, 1997. – С. 377–384.
19. *Ђирковић С.* Године криза и превирања // Калић Ј. Историја српског народа, друга књига: Доба борби за очување и обнову државе (1371–1537). – Београд: Српска књижевна задруга, 2000. – С. 47–63.
20. *Ђирковић С.М.* Латинички препис Рударског законика деспота Стефана Лазаревића. – Београд: САНУ, 2005.
21. *Kršljanin N.* Interrupted evolution: the Serbian medieval assembly (Sabor) // Parliaments, Estates & Representation. – 2017. – Vol. 37, no. 1. – P. 1–16.

УДК 35.078.5

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бурова Дарья Александровна¹,

канд. с.-х. наук,

e-mail: daryaburova@yandex.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Сергиевом Посаде, г. Сергиев Посад, Россия

Наука в Российской Федерации включена в состав основных национальных приоритетов, поэтому требуются максимальное внимание к состоянию науки в целом и повышение уровня ее привлекательности. Главными целями на ближайшую перспективу являются импортозамещение, снижение зависимости от поставок инновационного оборудования, сырья и материалов из-за рубежа, достижение уровня мировых научных лидеров, а также уменьшение оттока ученых. Этого можно достичь и путем повышения привлекательности науки для молодых специалистов. В статье приводится анализ правовой базы поддержки молодых ученых в Российской Федерации, оцениваются ее структура и пути дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: Год науки, меры поддержки, молодые ученые

LEGAL ASPECTS OF SUPPORTING YOUNG SCIENTISTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Burova D.A.¹,

Candidate of Agricultural Sciences,

e-mail: daryaburova@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, a branch in the city of Sergiev Posad, Sergiev Posad, Russia

Science in the Russian Federation is included in the main national priorities, therefore maximum attention is required to the state of science as a whole and to improve the level of its attractiveness. The main goals for the near future are import substitution, reducing dependence on the supply of innovative equipment, raw materials and materials from abroad, achieving the level of world scientific leaders, as well as reducing the outflow of scientists. This can be achieved, among other things, by increasing the attractiveness of science for young professionals. The article provides an analysis of the legal framework for supporting young scientists in the Russian Federation, assesses its structure and ways of further improvement.

Keywords: a year of the science, support measures, young scientists

DOI 10.21777/2587-9472-2021-4-16-24

Введение

Как известно, 2021 год в Российской Федерации объявлен Годом науки и технологий. Основной целью при этом являлась поддержка российской науки на федеральном уровне, а также содействие проведению дальнейших исследований во многих областях. Так, наука вошла в ранг ключевых национальных приоритетов. В связи с этим был создан отдельный национальный проект «Наука», рассчитанный на 2019–2024 гг., по результатам реализации которого Россия должна войти в пятерку мировых научных лидеров по приоритетным направлениям, уменьшить отток ученых за границу и повысить привлекательность мест работы для иностранных, а также российских молодых ученых.

Многие исследователи полагают, что стимулирование изобретательской активности позволит сформировать научную базу для развития новых технологий по производству высокотехнологичной продукции [1–4].

По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2020 г. общее количество ученых моложе 39 лет составило 153 433 человека, что на 9352 меньше, чем в 2015 г.¹

Согласно оценкам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», из страны ежегодно выезжают на постоянную работу за рубеж до 10 тыс. ученых и 35–40 тыс. студентов для учебы в магистратуре и аспирантуре. Покидают Россию порядка 60–75 % аспирантов, идущих по академическому треку, причем в передовых областях естественных и технических наук – до 80 % [5].

С.В. Митрофанов, Е.В. Комарова считают, что главными проблемами при этом остаются жилищное обеспечение молодых ученых и устаревшая исследовательская база научных организаций [6].

Доля выпускников вузов, связавших свое будущее с наукой, в 2019 г. составила 1,2 %, в том числе на исследовательских должностях – 0,7 %. Согласно демографическим прогнозам, в России ожидается снижение доли граждан до 29 лет, что также повлияет на приток молодежи в науку, соответственно, потребует дополнительных мер по ее привлечению и закреплению [5]. Такими необходимыми мерами могут стать дальнейшее усиление финансирования научно-исследовательских институтов и вузов, объявление большего количества конкурсов для студентов и аспирантов как наиболее перспективной целевой аудитории [7], решение их жилищного вопроса, а также совершенствование законодательной базы. В связи с этим тема данной статьи является актуальной.

Цели статьи – изучение и анализ действующих нормативно-правовых актов, выявление путей их дальнейшего совершенствования. Для достижения приведенных целей были поставлены следующие задачи:

- 1) изучить действующие на сегодняшний день меры поддержки молодых ученых;
- 2) рассмотреть нормативно-правовую базу осуществления такой поддержки;
- 3) выявить перспективы для дальнейшего совершенствования нормативно-правовых актов.

Основными методами, используемыми при написании статьи, являются компиляция, анализ и синтез данных.

Основная часть

Преодоление негативных тенденций в развитии российской науки предусмотрено ключевыми документами государственной политики: Стратегией научно-технологического развития РФ², Указами Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.»³ и от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.»⁴, национальным проектом «Наука и университеты»⁵, Распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г.»⁶.

Согласно данным Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, все меры поддержки молодых ученых можно разделить на три блока: финансовые меры; социальные меры; мероприятия⁷.

К финансовым мерам относятся, прежде всего:

– гранты Президента Российской Федерации для поддержки лиц, проявивших выдающиеся способности;

– гранты Президента Российской Федерации для государственной поддержки научных исследований молодых (до 35 лет) российских ученых – кандидатов наук, а также молодых (до 40 лет) российских ученых – докторов наук;

¹ Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. – URL: <http://www.rosstat.gov.ru/folder/14477> (дата обращения: 12.04.2021). – Текст: электронный.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 49. – Ст. 6887.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 30. – Ст. 4884.

⁵ Национальный проект «Наука и университеты»: [сайт]. – URL: <http://www.национальныепроекты.рф/projects/nauka-i-university> (дата обращения: 16.05.2021). – Текст: электронный.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 50. – Ст. 7185.

⁷ Министерство науки и высшего образования: [сайт]. – URL: http://www.minobrnauki.gov.ru/action/young_scientists (дата обращения: 14.02.2021). – Текст: электронный.

- гранты Президентской программы исследовательских проектов для молодых ученых;
- гранты Президентской программы исследовательских проектов для научных групп под руководством молодых ученых;
- поддержка в рамках деятельности Российского научного фонда, предоставляющего широкую линейку грантов для молодых ученых;
- стипендии Президента Российской Федерации для студентов, аспирантов, адъюнктов, слушателей и курсантов образовательных учреждений высшего профессионального образования;
- стипендии Президента Российской Федерации для студентов и аспирантов, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям), соответствующим приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики;
- стипендии Президента Российской Федерации для молодых (до 35 лет) ученых и аспирантов, осуществляющих перспективные научные исследования и разработки по приоритетным направлениям модернизации российской экономики;
- стипендии имени Ж.И. Алферова для молодых ученых в области физики и нанотехнологий;
- премия Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых;
- премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники для молодых ученых;
- всероссийская премия «За верность науке» за выдающиеся достижения в области научной коммуникации, популяризации науки и поддержки престижа деятельности ученых и инженеров в Российской Федерации.

Гранты Президента Российской Федерации для поддержки лиц, проявивших выдающиеся способности, предоставляются на основании Указов Президента РФ от 7 декабря 2015 г. № 607 «О мерах государственной поддержки лиц, проявивших выдающиеся способности»⁸ и от 18 ноября 2019 г. № 565 «О дополнительных мерах государственной поддержки лиц, проявивших выдающиеся способности»⁹, Постановлений Правительства РФ от 23 мая 2020 г. № 744 «О грантах Президента Российской Федерации лицам, проявившим выдающиеся способности и показавшим высокие достижения в определенной сфере деятельности, поступившим на обучение в образовательные и научные организации»¹⁰ и от 17 ноября 2015 г. № 1239 «Об утверждении Правил выявления детей, проявивших выдающиеся способности, и сопровождения их дальнейшего развития»¹¹. Кроме того, нормативно-правовыми актами, регламентирующими проведение конкурсов в рамках данного гранта, являются приказы Министерства науки и высшего образования РФ, приказы Министерства просвещения РФ.

Претендентами на получение такого гранта являются лица, поступившие на обучение по программам подготовки специалистов среднего звена, программам бакалавриата или программам специалитета:

- 1) данные о которых включены в государственный информационный ресурс о лицах, проявивших выдающиеся способности;
- 2) имеющие гражданство Российской Федерации;
- 3) являющиеся победителями или призерами заключительных этапов олимпиад и иных или творческих конкурсов, мероприятий, перечень которых утверждается Министерством просвещения Российской Федерации, проведенных не ранее чем за два учебных года, предшествующих году поступления на обучение в профессиональные образовательные организации, образовательные организации высшего образования по программам подготовки специалистов среднего звена, программам бакалавриата или программам специалитета по специальностям и направлениям подготовки, соответствующим профилю мероприятий;
- 4) поступившие в текущем году на обучение в профессиональные образовательные организации, образовательные организации высшего образования по программам подготовки специалистов среднего звена, программам бакалавриата или программам специалитета по специальностям и направлениям подготовки, соответствующим профилю мероприятий, за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 50. – Ст. 7142.

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 47. – Ст. 6653.

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 22. – Ст. 3511.

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 47. – Ст. 6602.

Указанные нормативные акты содержат и требования для лиц, обучающихся в магистратуре.

Иные гранты Президента Российской Федерации предоставляются на основании Указа Президента РФ от 9 февраля 2009 г. № 146 «О мерах по усилению государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов и докторов наук»¹², Распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2019 г. № 135-р «Об утверждении состава Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации»¹³, Постановления Правительства РФ от 27 апреля 2005 г. № 260 «О мерах по государственной поддержке молодых российских ученых – кандидатов наук и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации»¹⁴.

Основным действующим совещательным органом, образованным для рассмотрения вопросов выделения грантов для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых в российских образовательных учреждениях высшего профессионального образования, научных учреждениях государственных академий наук и государственных научных центрах Российской Федерации, является Совет по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации, действующий на основании Распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2019 г. № 135-р. На его сайте представлена информация об актуальных на сегодняшний день конкурсах, стипендиях и премиях.

Стипендии Президента Российской Федерации назначаются и выплачиваются на основании Указа Президента РФ от 13 февраля 2012 г. № 181 «Об учреждении стипендии Президента Российской Федерации для молодых ученых и аспирантов, осуществляющих перспективные научные исследования и разработки по приоритетным направлениям модернизации российской экономики»¹⁵, Постановления Правительства РФ от 7 июня 2012 г. № 563 «О назначении и выплате стипендии Президента Российской Федерации молодым ученым и аспирантам, осуществляющим перспективные научные исследования и разработки по приоритетным направлениям модернизации российской экономики»¹⁶, Приказа Министерства науки и высшего образования РФ от 26 января 2021 г. № 54 «О назначении стипендии Президента Российской Федерации молодым ученым и аспирантам, осуществляющим перспективные научные исследования и разработки по приоритетным направлениям модернизации российской экономики, на 2021–2023 гг.»¹⁷, Приказа Министерства науки и высшего образования РФ от 20 августа 2019 г. № 637 «О назначении стипендии Президента Российской Федерации молодым ученым и аспирантам, осуществляющим перспективные научные исследования и разработки по приоритетным направлениям модернизации российской экономики, на 2019–2021 гг.»¹⁸.

Так, любой молодой ученый в возрасте до 35 лет и аспирант может принять участие в конкурсе на соискание стипендии Президента РФ, если он является гражданином Российской Федерации, осуществляет перспективные научные исследования и разработки по приоритетным направлениям модернизации российской экономики, работает на должностях научных или педагогических работников в российских научных или образовательных организациях либо обучается в аспирантуре по очной форме обучения, а также имеет опубликованные научные труды в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях. Объявления о конкурсах и перечень необходимых документов можно увидеть на сайте Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых. Однако следует отметить, что молодой ученый не может рассчитывать на получение стипендии, если он в этом же году получает денежные средства в результате выигранного гранта либо является получателем любой другой стипендии Правительства и Прези-

¹² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 7. – Ст. 812.

¹³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 6. – Ст. 551.

¹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 18. – Ст. 1686.

¹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 8. – Ст. 987.

¹⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 24. – Ст. 3194.

¹⁷ Система поддержки грантов Президента Российской Федерации. – URL: http://www.grants.extech.ru/docs/prikaz_54.pdf (дата обращения: 12.03.2021). – Текст: электронный.

¹⁸ Система поддержки грантов Президента Российской Федерации. – URL: http://www.grants.extech.ru/docs/prikaz_637.pdf (дата обращения: 12.03.2021). – Текст: электронный.

дента РФ, а также персональной стипендии имени Ж.И. Алферова для молодых ученых в области физики и нанотехнологий.

Что же касается стипендий имени Ж.И. Алферова для молодых ученых в области физики и нанотехнологий, то они назначаются и выплачиваются на основании Указа Президента РФ от 12 июля 2019 г. № 332 «Об увековечении памяти Ж.И. Алферова»¹⁹, Постановления Правительства РФ от 19 марта 2020 г. № 300 «О персональных стипендиях имени Ж.И. Алферова для молодых ученых в области физики и нанотехнологий и внесении изменений в Положение о Совете по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации»²⁰, Приказа Министерства науки и высшего образования РФ от 13 июля 2021 г. № 620 «О назначении в 2021 г. персональных стипендий имени Ж.И. Алферова для молодых ученых в области физики и нанотехнологий»²¹.

Согласно приведенным документам, ежегодно назначаются 10 персональных стипендий имени Ж.И. Алферова в размере 20 тыс. р. каждая. Кандидатами на назначение стипендий являются молодые ученые, замещающие должности научных или научно-педагогических работников в российских научных организациях или образовательных организациях высшего образования, в возрасте до 35 лет, имеющие ученую степень кандидата наук, или в возрасте до 40 лет, имеющие ученую степень доктора наук, либо аспиранты без ученой степени в возрасте до 30 лет, принимающие участие в научной деятельности в области физики и нанотехнологий и имеющие научные труды, опубликованные в международных или всероссийских рецензируемых журналах и изданиях, отражающие выдающиеся научные достижения молодого ученого или аспиранта. Основные документы, правила и порядок назначения данной стипендии указаны в Постановлении Правительства РФ от 19 марта 2020 г. № 300.

Премия Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых является высшим признанием заслуг граждан Российской Федерации – молодых ученых и специалистов – перед обществом и государством. Ежегодно присуждаются четыре премии.

Премия Президента Российской Федерации присуждается на основании Указа Президента РФ от 18 июня 2015 г. № 312 «Об утверждении Положения о премии Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых»²² за результаты научных исследований, внесших значительный вклад в развитие естественных, технических и гуманитарных наук, а также за разработку образцов новой техники и прогрессивных технологий, обеспечивающих инновационное развитие экономики и социальной сферы, укрепление обороноспособности страны. Значимость вклада молодых ученых в развитие науки определяется исходя из уровня их научных достижений.

Что же касается премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники для молодых ученых, то она присуждается на основании Постановления Правительства РФ от 5 августа 2010 г. № 601 «Об утверждении Положения о премиях Правительства Российской Федерации в области науки и техники для молодых ученых»²³ ежегодно за научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, проводимые молодыми учеными, завершившиеся созданием и широким применением в производстве принципиально новых технологий, техники, приборов, оборудования, материалов и веществ, практическую реализацию изобретений, открывающих новые направления в технике и технологиях, высокие результаты научно-исследовательских работ в медицине, сельском хозяйстве, военном и экологическом секторах, а также в ряде других областей. Данные премии вручаются ученым в возрасте до 35 лет на основании рекомендаций межведомственного совета, в который входят представители академического сообщества и государственных органов. Размер вознаграждения для каждого авторского коллектива составляет 1 млн р.²⁴

¹⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 28. – Ст. 3767.

²⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 13. – Ст. 1914.

²¹ Система поддержки грантов Президента Российской Федерации. – URL: http://www.grants.extech.ru/docs/alferov_2021.pdf (дата обращения: 18.04.2021). – Текст: электронный.

²² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 25. – Ст. 3647.

²³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 33. – Ст. 4426.

²⁴ О внесении изменения в пункт 1 постановления Правительства Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 793: постановление Правительства Российской Федерации: [от 31 августа 2019 г. № 1121] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 37. – Ст. 5163.

Так, на основании Распоряжения Правительства РФ от 1 ноября 2021 г. № 3104-р «О присуждении премий Правительства Российской Федерации 2021 г. в области науки и техники для молодых ученых»²⁵ в 2021 г. лауреатами данной премии стали 28 человек, в том числе 3 доктора наук, 11 кандидатов наук, 2 профессора и 2 доцента. Наградой, в частности, отмечены работы, связанные с регенеративной медициной, экспериментальными космическими исследованиями, энергоэффективными методами сжигания органического топлива.

Для молодых ученых, работающих в подведомственных организациях Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, предусмотрены и социальные меры поддержки в области жилищной политики.

Рассмотрим основные программы по обеспечению жильем молодых ученых.

1. Предоставление государственных жилищных сертификатов в рамках реализации государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2017 г. № 1710²⁶.

В целях предоставления государственных жилищных сертификатов молодым ученым утвержден Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 3 декабря 2018 г. № 69н «О некоторых вопросах предоставления молодым ученым организаций, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, социальных выплат на приобретение жилых помещений»²⁷.

Правила предоставления молодым ученым социальных выплат на приобретение жилых помещений в рамках реализации мероприятий по обеспечению жильем молодых ученых ведомственной целевой программы «Оказание государственной поддержки гражданам в обеспечении жильем и оплате жилищно-коммунальных услуг» государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1050²⁸.

Молодой ученый может быть признан участником мероприятий:

- если его возраст не превышает 35 (для кандидатов наук) или 40 лет (для докторов наук);
- если он работает в научной (образовательной) организации научным работником и его общий стаж работы в данной должности составляет не менее 5 лет;
- если он признан научной (образовательной) организацией нуждающимся в получении социальной выплаты по тем же основаниям, которые установлены ст. 51 Жилищного кодекса Российской Федерации.

2. Предоставление служебного жилья работникам организаций, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, не обеспеченным жильем в населенном пункте по месту работы на период их работы в таких организациях.

Порядок предоставления служебного жилья в организациях, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, утвержден соответствующим приказом²⁹.

²⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 45. – Ст. 7589.

²⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 3. – Ст. 546.

²⁷ Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.03.2021). – Текст: электронный.

²⁸ О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»: постановление Правительства Российской Федерации: [от 17 декабря 2010 г. № 1050] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 5. – Ст. 739.

²⁹ О включении жилых помещений жилищного фонда Российской Федерации, закрепленных за Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, территориальными органами Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и организациями, подведомственными Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, на праве оперативного управления и хозяйственного ведения, в специализированный жилищный фонд с отнесением таких помещений к определенному виду жилых помещений специализированного жилищного фонда, а также исключении жилых помещений из специализированного жилищного фонда, предоставлении служебных жилых помещений в центральном аппарате и территориальных органах Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, предоставлении служебных жилых помещений или жилых помещений в общежитиях в организациях, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации: приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации: [от 5 сентября 2018 г. № 37н]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2021). – Текст: электронный.

Решение о предоставлении такого жилья принимается жилищной комиссией организации и утверждается приказом данной организации. Согласование Министерства науки и высшего образования Российской Федерации не требуется.

3. Жилищно-строительные кооперативы (далее – ЖСК). Улучшение жилищных условий граждан возможно посредством строительства жилья ЖСК, образованными в рамках реализации Федерального закона РФ от 24 июля 2008 г. № 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства»³⁰.

Перечень категорий граждан, которые могут быть приняты в члены ЖСК, создаваемых в соответствии с отдельными федеральными законами, и оснований включения указанных граждан, а также граждан, имеющих трех и более детей, в списки граждан, имеющих право быть принятыми в члены таких кооперативов, утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 108³¹.

В целях образования ЖСК для жилищного строительства на земельных участках, находящихся в ведении подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации организаций, указанные организации направляют в Минобрнауки России соответствующее обращение-обоснование с указанием типа, количества предполагаемой застройки и приложением документов на указанный земельный участок.

Правила формирования списков граждан, имеющих право быть принятыми в члены ЖСК, утверждены Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 16 октября 2018 г. № 50н³².

Кроме того, в рамках Года науки и технологий в 2021 г. проводятся отдельные мероприятия, направленные на популяризацию науки в Российской Федерации, такие как научно-практические конференции, семинары, конгрессы и пр. Одним из таких мероприятий является проект «На острие науки», направленный на вовлечение школьников и их родителей, студентов в научно-исследовательскую сферу, а также на формирование представления о профессии современного исследователя³³. Организаторами данного проекта являются Координационный совет по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию при поддержке Российского научного фонда, Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», Mail.ru Group, Группы компаний «Геоскан» и ООО «Инконсалт К».

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации инициировало разработку программы «Приоритет-2030» (стратегического академического лидерства) по повышению конкурентоспособности российских университетов, а также инициативы по поддержке опорных университетов. Планируемый срок ее реализации составляет 10 лет (первый этап – 2020–2025 гг.; второй этап – 2025–2030 гг.)³⁴.

Итоги приведенной программы подведены 6 октября 2021 г. Было определено, что базовую часть гранта размером 100 млн р. получит каждый из 106 российских университетов, отобранных ранее в программу. Получателями же специальной части гранта стали 46 университетов 22 субъектов всех федеральных округов страны³⁵.

Общее финансирование федеральной программы «Приоритет-2030» до конца 2022 г. составит более 47 млрд р. Из них финансирование по базовой части гранта составит за два года более 21 млрд р.,

³⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 30 (ч. 2). – Ст. 3617.

³¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 8. – Ст. 1024.

³² Об утверждении Правил формирования списков граждан, имеющих право быть принятыми в члены жилищно-строительных кооперативов, создаваемых в целях обеспечения жильем граждан в соответствии с Федеральным законом РФ от 24 июля 2008 г. № 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства»: приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации: [от 16 октября 2018 г. № 50н]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.02.2021). – Текст: электронный.

³³ Национальный проект «На острие науки»: [сайт]. – URL: <http://www.наостриенауки.рф> (дата обращения: 12.02.2021). – Текст: электронный.

³⁴ О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»: постановление Правительства Российской Федерации: [от 13 мая 2021 г. № 729] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 22. – Ст. 3823.

³⁵ Подведены итоги отбора университетов на получение специальной части гранта в рамках программы «Приоритет-2030». – URL: http://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=40889 (дата обращения: 12.03.2021). – Текст: электронный.

а по специальной части гранта – более 26 млрд р.

Заключение

Необходимо заметить, что в настоящее время существует множество разнообразных мер поддержки молодых ученых, на которые выделяется значительное количество бюджетных ассигнований.

По данным Высшей школы экономики, в 2019 г. объем выделяемых денежных средств в науку оценивался в 1134,8 млрд р., что вдвое больше, чем в 2000 г. в постоянных ценах, а также на 13,4 % – по сравнению с 2010 г. Однако, несмотря на все предпринимаемые государством усилия, объем субсидирования в 2019 г. составил лишь 59,6 % от уровня 1990 г. [5].

Согласно закону о федеральном бюджете, объемы ассигнований на гражданскую науку из средств федерального бюджета в 2021 г. увеличатся на 10,8 % по сравнению с 2020 г. Однако уже в 2022–2023 гг. ожидается их снижение относительно 2021 г. на 7,2 и 4,1 % соответственно. Оно не должно затронуть расходы на реализацию национального проекта «Наука и университеты», государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»³⁶.

Таким образом, очевидно, что в ближайшие годы прогнозируется снижение объема выделяемых в науку ассигнований. Вероятность этого повышается в связи с текущей экономической ситуацией и появлением более острых вопросов, требующих пристального внимания со стороны государства, а также увеличения финансирования.

Следует отметить, что в настоящее время отсутствует четкое и единообразное определение понятия «молодой ученый». Действительно, в некоторых нормативно-правовых актах можно увидеть, что к молодым ученым относятся исследователи в возрасте до 39 лет, но в большинстве других документов в качестве таковых отмечаются аспиранты до 30 лет, кандидаты наук до 35 лет и доктора наук до 40 лет.

В связи с этим предлагается внести изменения в Федеральный закон РФ «О науке и государственной научно-технической политике», определив правовой статус молодого ученого как лица, профессионально занимающегося научной и (или) научно-технической деятельностью, в том числе аспирантов в возрасте до 30 лет включительно, кандидатов наук до 35 лет включительно и докторов наук до 40 лет включительно.

В нормативно-правовых актах, касающихся поддержки молодых ученых, отсутствует такая категория лиц, как соискатели ученой степени. Таким образом, существует пробел, касающийся молодых людей, работающих в научном или научно-образовательном учреждении, не имеющих ученой степени, которые по каким-либо причинам не были зачислены в очную аспирантуру, однако готовят диссертационную работу на соискание ученой степени кандидата наук. Предлагается включить в понятие «молодой ученый» и соискателей в возрасте до 35 лет, работающих в научном или научно-образовательном учреждении, в случае подачи ими диссертационной работы на соискание ученой степени кандидата наук на рассмотрение диссертационного совета по соответствующей научной специальности и принятия диссертационным советом данной работы к защите.

В заключение можно сделать вывод о том, что поддержка молодых ученых является важным направлением экономической политики государства, требующим внимания на законодательном уровне.

Список литературы

1. Баранова А.Ю., Воробей Е.К., Воробей К.Д., Мазниченко М.А. Перспективы развития российской науки в XXI в.: изменения, тренды и меры государственной поддержки // Финансовая экономика. – 2019. – № 12. – С. 523–529.
2. Воронов А.С. Развитие научно-исследовательского потенциала молодежи и популяризация науки среди школьников, студентов и молодых ученых России // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 78. – С. 198–228.
3. Ганиева И.А., Петрик Н.А., Ремизов С.В. Стимулирование инновационной деятельности с применением государственных мер поддержки кооперации науки и производства // Государство. Бизнес. Общество.

³⁶ О федеральном бюджете на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг.: Федеральный закон Российской Федерации: [от 8 декабря 2020 г. № 385-ФЗ] // Российская газета. – 2020. – № 280. – 11 декабря.

ство. Цифровая среда: траектория взаимодействия от теории к практике: сб. науч. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2021. – С. 167–171.

4. *Дежина И.Г., Пономарев А.К.* От науки к технологиям: новые тренды государственной политики // *Инновации.* – 2020. – № 10. – С. 30–40.

5. *Бредихин С.В., Власова В.В., Гершман М.А., Гохберг Л.М., Заиченко С.А., Китова Г.А., Коцемир М.Н., Кузнецова Т.Е., Полякова В.В., Стрельцова Е.А., Рудь В.А.* Научно-технологическая политика России в условиях постпандемии: поиск новых решений: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (г. Москва, 13–30 апреля 2021 г.) / науч. ред. Л.М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 63 с.

6. *Митрофанов С.В., Комарова Е.В.* Анализ мер привлечения и поддержки молодых исследователей в условиях цифровой трансформации науки // *Информационное общество.* – 2021. – № 6. – С. 63–71.

7. *Марков А.В., Миронова Я.С.* Поддержка инновационной деятельности молодых ученых Российской Федерации (обзор текущих конкурсов инновационных проектов для молодых исследователей) // *Вестник современных исследований.* – 2018. – № 3. – С. 262–266.

References

1. *Baranova A.Yu., Vorobej E.K., Vorobej K.D., Maznichenko M.A.* Perspektivy razvitiya rossijskoj nauki v XXI v.: izmeneniya, trendy i mery gosudarstvennoj podderzhki // *Finansovaya ekonomika.* – 2019. – № 12. – S. 523–529.

2. *Voronov A.S.* Razvitie nauchno-issledovatel'skogo potentsiala molodezhi i populyarizaciya nauki sredi shkol'nikov, studentov i molodyh uchenyh Rossii // *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik.* – 2020. – № 78. – S. 198–228.

3. *Ganieva I.A., Petrik N.A., Remizov S.V.* Stimulirovanie innovacionnoj deyatel'nosti s primeneniem gosudarstvennyh mer podderzhki kooperacii nauki i proizvodstva // *Gosudarstvo. Biznes. Obshchestvo.* Cifrovaya sreda: traektoriya vzaimodejstviya ot teorii k praktike: sb. nauch. st. po itogam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGEU, 2021. – S. 167–171.

4. *Dezhina I.G., Ponomarev A.K.* Ot nauki k tekhnologiyam: novye trendy gosudarstvennoj politiki // *Innovacii.* – 2020. – № 10. – S. 30–40.

5. *Bredihin S.V., Vlasova V.V., Gershman M.A., Gohberg L.M., Zaichenko S.A., Kitova G.A., Kocemir M.N., Kuznecova T.E., Polyakova V.V., Strel'cova E.A., Rud' V.A.* Nauchno-tekhnologicheskaya politika Rossii v usloviyah postpandemii: poisk novyh reshenij: dokl. k XXII Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva (g. Moskva, 13–30 aprelya 2021 g.) / nauch. red. L.M. Gohberg; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – Moskva: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2021. – 63 s.

6. *Mitrofanov S.V., Komarova E.V.* Analiz mer privlecheniya i podderzhki molodyh issledovatelej v usloviyah cifrovoj transformacii nauki // *Informacionnoe obshchestvo.* – 2021. – № 6. – S. 63–71.

7. *Markov A.V., Mironova Ya.S.* Podderzhka innovacionnoj deyatel'nosti molodyh uchenyh Rossijskoj Federacii (obzor tekushchih konkursov innovacionnyh proektov dlya molodyh issledovatelej) // *Vestnik sovremennyh issledovanij.* – 2018. – № 3. – S. 262–266.

УДК 342.1

РЕФОРМА КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ВЕКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Дорохов Николай Иннокентьевич¹,

канд. ист. наук,

e-mail: arnita@mail.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Масштабные конституционные преобразования, вызванные внесением конституционных поправок в Основной закон государства – Конституцию Российской Федерации (в общей сложности внесено 206 поправок, которые предполагают принятие 98 федеральных законов), во многом предопределили масштабы и темпы процессов трансформации публично-правового регулирования в сфере государственного и муниципального управления, в том числе и в области государственного и муниципального контроля (ст. 103.1, 107, 108, 125, 131–133 и другие статьи Конституции РФ). В статье рассматривается содержание реформы контрольно-надзорной деятельности как одного из ключевых направлений в трансформации публично-правового регулирования в сферах государственного и муниципального управления. Даны основные понятия, раскрыто состояние, а также определены проблемы и перспективы контрольно-надзорной деятельности.

Ключевые слова: конституционная модернизация, публично-правовое регулирование, трансформация публично-правового регулирования, контрольно-надзорная деятельность, стратегическое планирование, финансово-бюджетная сфера, мониторинг

REFORM OF CONTROL AND SUPERVISION ACTIVITY AS A VECTOR OF TRANSFORMATION OF PUBLIC AND LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF STATE AND MUNICIPAL GOVERNANCE

Dorokhov N.I.¹,

Candidate of Historical Sciences,

e-mail: arnita@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

Large-scale constitutional transformations caused by the introduction of constitutional amendments to the Basic Law of the State – the Constitution of the Russian Federation (in total, 206 amendments were made, which imply the adoption of 98 federal laws) largely predetermined the scale and pace of the processes of transformation of public law regulation in the sphere of state and municipal administration, including in the field of state and municipal control (Articles 103.1, 107, 108, 125, 131–133, etc.) of the Constitution of the Russian Federation. The article examines the content of the reform of control and supervisory activities as one of the key directions in the transformation of public law regulation in the spheres of state and municipal administration. The basic concepts are given, the state is revealed and the problems and prospects of the control and supervisory activity are determined.

Keywords: constitutional modernization, public law regulation, transformation of public law regulation, control and supervisory activities, strategic planning, financial and budgetary sphere, monitoring

DOI 10.21777/2587-9472-2021-4-25-35

Современный этап развития российского общества во многом предопределяется масштабными процессами конституционной модернизации, инициированными Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 15 января 2020 г., получившими впоследствии закрепление и развитие в принятии конституционных поправок к Основному закону РФ. Конституционные новеллы явились ориентиром для дальнейшего обновления российского законодательства и правовой системы в целом, актуализировали во многом процессы трансформации во всех областях общественного развития, прежде всего в сфере государственного и муниципального управления.

Для российского государства проблема публично-правового регулирования общественных отношений в различных сферах российского общества является одной из наиболее актуальных тем. Все эти годы, в процессе перманентного реформирования власти и управления, ставилась задача теоретического осмысления и практического воплощения сущности, смысла, содержания и механизма публично-правового регулирования.

В теоретическом плане данная проблема впервые получила рассмотрение еще в советский период в трудах Н.Г. Александрова, С.С. Алексеева, В.Г. Афанасьева, Г.В. Атаманчука, И.Л. Бачило, в последующие годы – в работах Н.И. Матузова, А.В. Малько, В.В. Лазарева, М.Н. Марченко, Л.А. Морозовой, исследованиях таких ученых-административистов, как Д.Н. Бахрах, В.М. Манохин, М.А. Лапина, Ю.А. Тихомиров, Ю.Н. Стариков, Н.Ю. Хаманева, а также изучалась специалистами в области государственного и муниципального управления, среди которых В.Е. Чиркин, Н.И. Глазунова, С.Ю. Наумов, А.В. Пикулькин и др.

В практическом плане состояние, проблемы и перспективы совершенствования публично-правового регулирования нашли отражение в указах Президента РФ (2000–2021), постановлениях Правительства РФ, концепциях административных реформ с начала 2000-х гг., содержание которых принципиально составили: модернизация государственной власти, включающая в себя реформу законодательной, исполнительной и судебной власти; реформа административно-территориального устройства государства; реформа региональной государственной власти и местного самоуправления; разграничение полномочий и предметов ведения между федеральной, региональной и муниципальной властью; реформа государственной и муниципальной службы; реформа функций и структуры исполнительной власти и др. [1, с. 149–204].

С началом реформ был сделан акцент на устранение жестких подходов к организации публично-правового регулирования в различных сферах развития общества: отказ от его излишней централизации, «жесткого администрирования», поощрялись самостоятельность и инициативность со стороны исполнительных органов местного управления и самоуправления. Однако такой подход в трансформации публично-правового регулирования вскоре привел к негативным последствиям, главным среди которых является, по существу, разрушение государственного управления.

С середины 2000-х гг. начинается процесс поиска сбалансированного использования принципа централизации и децентрализации, сочетания публичных и частных интересов в публично-правовом регулировании общественных отношений. Это привело к констатации признания необходимости как государственного управления в ключевых сферах жизнедеятельности (обеспечение обороны и безопасности, в социальных областях – образование, социальная защита, труд и занятость населения, здравоохранение), так и государственно-правового регулирования в отдельных сферах экономики: промышленность; топливно-энергетический комплекс; сельское хозяйство; жилищно-коммунальный комплекс.

Перемены в трансформации публично-правового регулирования российского общества, начиная со второй половины 2000-х гг., вызвали необходимость нового этапа теоретического осмысления состояния и перспектив повышения эффективности механизма государственно-правового регулирования развития общества.

На первый план вышли проблемные задачи, сложившиеся в системе государственного управления, требующие своего разрешения, в числе которых необходимость создания единой системы вертикали власти, недопустимость передачи государственных функций предпринимательским кругам, строгое соблюдение принципа профессионализма и компетенции государственными и муниципальными служащими, в целом чиновничьим аппаратом, борьба с коррупцией в сфере публичного управления с одновременным расширением возможностей институтов формирующегося гражданского общества

в их участии в управленческих вопросах, публично-правовом регулировании развития российского общества.

Приведенные теоретические рассуждения дают возможность обратиться к понятию публично-правового регулирования, под которым, на наш взгляд, следует понимать **осуществляемое при помощи системы публичных (организационных) и правовых средств воздействие на сферы (области) общественных отношений с целью их упорядочения, достижения эффективного результата по реализации действующего законодательства в различных сферах правовой регуляции.**

Ядром публично-правового регулирования является государственно-правовое регулирование. К наиболее важным характеристикам публично-правового регулирования относятся: механизм публично-правового регулирования, его структура и содержание; стадии механизма публично-правового регулирования и их особенности; способы и типы публично-правового регулирования; критерии, условия повышения эффективности публично-правового регулирования и пр.

Трансформация (от позднелат. *transformation* – «превращение, преобразование») **публично-правового регулирования – процесс изменения, преобразования управления общественными процессами по причине новых целей, задач общественно-государственного развития, вызванных качественно новыми этапами и факторами развития общества.**

Анализируя социальные, частноправовые и государственно-правовые процессы, можно выстроить модель взаимодействия общества и государства. Выбор приоритета дает возможность говорить о двух предполагаемых вариантах развития России в набирающем исторические темпы развития XXI в.

Первый вариант состоит в том, что верховная власть для быстрого создания той или иной модели государственного порядка должна опираться на силу, в том числе вооруженную. При этом юридический процесс развивается сверху вниз, организуя общество на незыблемых юридических началах. При таком варианте развития государства в обществе устанавливается жесткая юридическая регламентация, т.к. верховная власть опирается не на общество, а на силу своего аппарата. Роль права при этом варианте развития государства возрастает, но не общество, а верховная власть является его источником.

Во **втором варианте** развития государства частноправовой процесс, перерастая в публично-правовой, приводит к узакониванию государством таких юридических форм, которые вырабатываются самим обществом, а государство определяет лишь границы права, но не его основания. При этом развитие права происходит медленнее, т.к. не политические, а экономические отношения преобладают во втором варианте [2, с. 4–5].

Господство права во втором варианте обеспечивается не политическими средствами, а тем, что общество само приходит к сознанию необходимости правопорядка. В соответствии с целями общества происходит утверждение государства общего блага, социального по своему назначению и правового по своей природе.

Следует заметить, что модель развития российского государства, эволюции его формы по второму варианту весьма содержательно вписывается в объявленные современным политическим руководством России концепции, стратегии и планы модернизации системы государственной власти, российского общества, развития правового государства, совершенствования основ гражданского общества.

Концептуальные основы данной модели взаимодействия общества и государства получили закрепление в обновленной Конституции РФ и взяты в качестве определяющих ориентиров на стратегическую перспективу развития российского общества и государства. В их числе выделяются:

- преемственность в развитии российского государства, защита исторической правды; дети как приоритет государственной политики (ст. 67.1 Конституции РФ);
- язык, культура, этнокультурное многообразие и поддержка соотечественников за рубежом (ст. 68–69 Конституции РФ);
- социальные стандарты и гарантии (ст. 75, 75.1 Конституции РФ);
- политика государства в области мира и безопасности (ст. 79.1 Конституции РФ);
- расширение полномочий органов законодательной (представительной) власти в системе государственного управления (ст. 83, 102, 103, 109, 111, 112 Конституции РФ);
- парламентский контроль (ст. 103.1 Конституции РФ);
- конституционный контроль (ст. 107, 108, 125 Конституции РФ);

– требования к должностным лицам в сфере публичной власти (ст. 77, 78, 81, 95, 97, 110, 119, 129 Конституции РФ);

– единая система публичной власти (ст. 80, 131–133 Конституции РФ) и др.

Высказанные теоретико-правовые и философские рассуждения и замечания объективно подвели во втором десятилетии XXI в. к осознанию российским государством и его властными институтами необходимости трансформации механизма публично-правового регулирования в условиях новых стратегических целей и задач развития общества и государства.

Первой попыткой предопределить новую модель публично-правового регулирования в новых экономических, политических, социальных, внешнеполитических условиях развития общества стал Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»¹. Однако многие показатели данного акта остались невыполненными.

Новые рубежи государственно-правового и социально-экономического развития Российской Федерации определены в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.»². В качестве приоритетных названы 9 национальных целей развития российского государства и общества: устойчивый естественный рост численности населения; повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 г. – до 80 лет); обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции; снижение в два раза уровня бедности; улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно; ускорение технологического развития, увеличение количества организаций, осуществляющих инновации, до 50 %; ускоренное внедрение цифровых технологий; вхождение России в число пяти крупнейших экономик, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне не более 4 %; создание в базовых отраслях высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора.

В сложившихся условиях наиболее вероятным процессом устойчивого развития общества, его экономической и социальной сферы является векторное развитие, т.е. в какой-то степени точечное, целенаправленное ускоренное развитие в отдельных областях социально-экономического развития общества. К таким направлениям социально-экономического развития на современном этапе относятся здравоохранение, образование, жилье и городская среда, экология, автодороги, рынок труда, наука, цифровая экономика, культура, малый бизнес, сотрудничество и экспорт, демография. В общей сложности насчитывается 12 направлений.

Одними из ключевых условий векторного развития социально-экономической, административно-политической и межотраслевой сфер российского общества являются трансформация публично-правового регулирования общественных отношений, совершенствование института администрирования, системное совершенствование административно-правовых основ в рассматриваемых областях, выявление круга организационных и правовых проблем, связанных с оценкой, состоянием и перспективами развития рассматриваемых сфер [3].

Наиболее востребованным направлением трансформации публично-правового регулирования общественных процессов, совершенствования процессов администрирования в социально-экономической сфере является организация и функционирование **контрольно-надзорной деятельности** государства, его органов на всех уровнях государственно-управленческой деятельности. Острота данного вопроса во многом определилась разработкой, обсуждением и принятием новой концепции, а впоследствии – начавшейся реформы (с 2016 г.) контрольно-надзорной деятельности, в содержании которой можно выделить несколько ключевых позиций:

1) построение новой системы обязательных требований, соответствующих современному уровню технологического развития (**материально-правовой аспект контрольно-надзорной деятельности**);

2) установление детальных правил, обязательных стандартов, относящихся к организации контрольно-надзорной деятельности (**процессуально-правовой аспект**);

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – 7 мая. – № 19. – Ст. 2338.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – 14 мая. – № 20. – Ст. 2817.

3) введение впервые в российской административно-правовой практике таких **ключевых понятий**, как контрольно-надзорное производство, контрольно-надзорные мероприятия, контрольно-надзорные действия, и обоснование их содержания.

В научный оборот, а также в практику служебных совещаний введено понятие **«регуляторная гильятина»**. Важным звеном в формировании «дорожной карты» реформы контрольной надзорной деятельности явились разработка, обсуждение и принятие Федерального закона РФ от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 6 декабря 2021 г.) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»³. Содержание закона заметно отличается от предшествующих законодательных актов, ранее регламентировавших основы организации контрольной деятельности государства и государственных органов. Для справки отметим, что закон содержит 6 разделов, 19 глав, 98 статей.

Основными правовыми, теоретическими и организационными аспектами стали следующие положения: понятие и сфера нормативно-правового регулирования государственного контроля (надзора) и муниципального контроля (далее – контроля); полномочия соответствующих органов и принципы государственного и муниципального контроля; предмет, объекты, организация и информационное обеспечение контроля (надзора); правовой статус участников государственных и муниципальных правовых отношений в области контроля (надзора); характер и содержание контрольных (надзорных) мероприятий, требования к их проведению; особенности исполнения принятых решений контрольных (надзорных) органов; специальные режимы государственного контроля (надзора) и др.

Важно отметить, что отправными положениями реализации механизма «регуляторной гильотины» должны стать относительно новые для российского права институты – контрольно-надзорное производство, контрольно-надзорные мероприятия, контрольно-надзорные действия.

В **содержании контрольно-надзорного производства**, под которым понимается систематизированный комплекс последовательно совершаемых действий и принимаемых решений контрольно-надзорных органов, их должностных лиц по оценке соблюдения контролируруемыми лицами обязательных требований, а также исполнения предписаний данных органов по результатам такой оценки, нацеленных на выявление и устранение нарушений обязательных требований, выделяют несколько стадий: открытие контрольно-надзорного производства; проведение контрольно-надзорного мероприятия; оформление результатов контрольно-надзорного мероприятия; исполнение решений контрольно-надзорного органа. Возможна факультативная стадия – обжалование решений, действий (бездействия) контрольно-надзорного органа.

Одним из ключевых понятий нового закона является **контрольно-надзорное мероприятие**, под которым понимается комплекс взаимосвязанных действий, включающих контрольно-надзорные действия, совершаемые в целях оценки соблюдения контролируруемыми лицами обязательных требований. Предусматривается 9 таких мероприятий: выездное обследование; контрольная закупка; мониторинговая закупка; выборочный контроль; инспекционный визит; рейдовый осмотр; документарная проверка; выездная проверка; наблюдение за соблюдением обязательных требований (мониторинг безопасности).

Контрольно-надзорные действия – третий компонент «регуляторной гильотины» – это конкретные действия, совершаемые соответствующей инстанцией в целях сбора доказательств соблюдения или несоблюдения контролируемым лицом обязательных требований. Такими действиями являются осмотр, досмотр, опрос, получение письменных объяснений, истребование документов, отбор проб (образцов), инструментальное обследование, экспертиза, эксперимент, испытание и др. Важно подчеркнуть, что перечень как контрольно-надзорных действий, так и контрольно-надзорных мероприятий законодательно строго ограничен. Более того, законом устанавливается, что для каждого вида контрольно-надзорного мероприятия может применяться только определенная совокупность действий.

Важной особенностью реформы контрольно-надзорной деятельности явилось детальное фиксирование положения всех субъектов, участвующих в процессе осуществления контроля, т.е. контролируемых лиц, контрольно-надзорных органов, экспертов, представителей, инспекторов и др. Устанавливается круг их прав, обязанностей и гарантий.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – 3 августа. – № 31 (ч. 1). – Ст. 5007.

Новое освещение содержит понятие контрольно-надзорного дела как совокупности документов, относящихся к контрольно-надзорному мероприятию в отношении конкретного лица, которое ведется контрольной инстанцией. Федеральный закон и реформа контрольно-надзорной деятельности существенно расширили возможности применения современных информационных технологий при осуществлении контрольно-надзорного производства: электронный обмен документами между участниками процесса, создание информационных ресурсов, обеспечивающих проведение мероприятий, формирование электронных личных кабинетов контролируемых лиц и др.

Такое радикальное видение механизма «регуляторной гильотины», безусловно, потребовало существенного обновления действующей системы нормативно-правового регулирования, решения вопроса об установлении гибкой системы правового регулирования отдельных видов контроля, принятия административных регламентов, регулирующих виды контроля и конкретные контрольные процедуры.

Следует подчеркнуть, что новый закон о государственном (муниципальном) контроле существенно отличается от прежних нормативно-правовых актов своей нацеленностью на процессуальность, т.е. четкую регламентацию последовательности и порядка проведения процедур при осуществлении контроля, законодательное установление прав и обязанностей лиц, участвующих в контроле, повышение эффективности работы самих контрольно-надзорных органов за счет большей регламентации процедур.

Все сказанное позволяет предположить создание в перспективе полноценного кодифицированного законодательного акта (типа кодекса), регламентирующего вопросы муниципального и государственного контроля (надзора). Полагаем, что начатая реформа контрольно-надзорной деятельности объективно выдвинула в практическую плоскость вопрос о создании в перспективе полноценного **кодекса контрольно-надзорного производства**. В данном кодексе, помимо четкой регламентации последовательности и порядка проведения процедур при осуществлении контроля, обоснования и выделения таких основных стадий контрольно-надзорного производства, как открытие производства, проведение контрольно-надзорного мероприятия, оформление его результатов, исполнение решений контрольно-надзорного органа, а также стадии обжалования решений и действий (бездействий) контрольно-надзорного органа, важное внимание должно уделяться статусу всех субъектов, участвующих в процессе осуществления контроля, т.е. контролируемых лиц, контрольно-надзорных органов, экспертов, представителей и др., и определению круга их прав, обязанностей, гарантий и пр.

Принятие в перспективе данного кодекса, надеемся, позволит, с одной стороны, эффективно защищать интересы хозяйствующих субъектов при осуществлении контрольно-надзорных мероприятий, а с другой – действовать контрольно-надзорным органам только в рамках установленных процедур и мероприятий. Представляется, что весьма заметными положениями (требованиями) будущего кодифицированного законодательного акта должны стать вопросы превентивного контроля, повышения качества правоприменения с использованием современных информационных технологий, таких как электронный обмен документами между участниками процесса, создание информационных ресурсов и электронных личных кабинетов контролируемых лиц и др., а также совершенствования института административной ответственности.

Что касается последнего, а именно института административной ответственности, то в связи с проводимой реформой контрольно-надзорной деятельности его роль в содержании административно-правовых основ развития социально-экономической сферы российского общества значительно возрастает. На наш взгляд, назрела ситуация уточнения или даже пересмотра отдельных составов административных правонарушений именно под влиянием контрольно-надзорных мероприятий и процедур. Это касается и отдельных элементов объективной стороны административного правонарушения, и состава субъектов, сроков администрирования и пр.

Ожидаемый уже не первый год новый вариант Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), безусловно, должен отразить эти тенденции. Впервые отмеченные изменения в институте административной ответственности нашли отражение в Федеральном законе РФ от 7 июня 2017 г. № 118-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», который значительно усилил административную ответственность руководящего состава хозяйствующих субъектов в социально-экономической сфере развития российского общества за различные нарушения (невыполнение в установленные сроки вынесенных

предписаний, распространение ответственности за неисполнение представлений и пр.)⁴. Отметим, что за эти годы в содержание действующего КоАП РФ в общей сложности было внесено порядка тридцати с лишним изменений, касающихся институтов контрольно-надзорной деятельности в таких сферах и областях, как санитарно-эпидемиологическое состояние (гл. 6), охрана окружающей среды и природопользования (гл. 8), промышленности, строительства и энергетики (гл. 9), финансов, налогов и сборов (гл. 15) и др.

Однако заметим, что на практике достаточно часто исполнение требований, отраженных в представлениях и предписаниях, не всегда в полной мере зависит от объекта контроля, в связи с чем нарушаются установленные сроки. На сегодня сложилась достаточно убедительная административно-правовая практика, свидетельствующая об усилении роли института административной ответственности за правонарушения в отдельных областях векторного развития социально-экономической сферы российского общества, вызванная проводимыми контрольными мероприятиями.

Так, к примеру, за первый год реформы (2016) реализации функции контроля только в финансово-бюджетной сфере по Смоленской области проведено 64 контрольных мероприятия на общую сумму 288 млн р., выявлено нарушений на 1648,8 млн р. На 1 декабря 2017 г. проведено 75 контрольных мероприятий и 13 обследований, выявлено нарушений на сумму 2163,4 млн р. За 2016 г. составлено 11 протоколов об административных правонарушениях и устранено нарушений на сумму 44,3 млн р. За 11 месяцев 2017 г. составлено 15 протоколов об административных правонарушениях и устранено нарушений на сумму 10,1 млн р., а общая сумма штрафов составила 165 тыс. р. По результатам проведенных контрольных мероприятий в адрес проверенных организаций в 2016 г. направлено 10 предписаний и 18 представлений, а за 11 месяцев 2017 г. – 14 предписаний и 22 представления. Органам прокуратуры в 2016 г. направлены 23 материала по результатам проведенных ревизий и проверок на общую сумму 1392 млн р., за 11 месяцев 2017 г. – 15 материалов на общую сумму 1679,4 млн р. В 2016 г. возбуждено два уголовных дела на общую сумму нарушений в 95,3 млн р. По состоянию на 1 декабря 2017 г. возбуждено одно уголовное дело на общую сумму нарушений, составившую 145,4 млн р. [4, с. 21]. Данная картина, по мнению контрольно-счетных органов, остается практически неизменной и в наше время.

Одним из наглядных и при этом трагических примеров последнего времени низкой ответственности в организации контрольно-надзорной деятельности, с одной стороны, и продолжающейся практики несоблюдения выполнения предписаний, поступаемых от контрольно-надзорных органов, – с другой, явился факт преступного отношения в организации производства на угольной шахте «Листвяжная» в Кемеровской области (25 ноября 2021 г.). Как показали предварительные итоги расследования причин трагедии, в результате которой погиб 51 человек, пострадали 239, только в 2021 г. в «Листвяжной» было проведено 127 проверок. Ростехнадзор зафиксировал 941 нарушение. Девять раз шахта приостанавливала работу. Общая сумма штрафов составила свыше 4 млн р. (для справки: по сообщению ТАСС, архивировано 26 ноября 2021 г.). При этом объект контрольно-надзорной деятельности – АО «Холдинговая компания «СДС-Уголь»», входящий в состав «Сибирского делового союза», должным образом не реагировал на предписания Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии, а также иных контрольно-надзорных инстанций.

Реформа контрольно-надзорной деятельности затрагивает многие направления, области и сферы деятельности: от контроля за процедурами планирования до реализации принимаемых решений; методологии перехода от репрессивности к превентивности, от наказания к предупреждению; от масштабных общегосударственных проектов до внутреннего корпоративного аудита и др.

Тем не менее, на наш взгляд, одним из определяющих направлений современной реформы в области контрольно-надзорной деятельности является **контроль в финансово-бюджетной сфере**, а именно проблемы внедрения в практику эффективных инструментов контроля в данной области. К сожалению, общая ситуация массовых нарушений в финансово-бюджетной сфере по-прежнему остается далеко не благополучной.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, только за период с января по август 2019 г. в России совершено 18,4 тыс. коррупционных преступлений в финансово-бюджетной

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 24. – Ст. 3487.

сфере, из которых 5,5 тыс. – в крупном и особо крупном размерах. Общий ущерб по оконченным уголовным делам составил порядка 102 млрд р. В бюджет возвращено 27 млрд р.

Приведем еще один цифровой ряд, характеризующий состояние положения дел в финансово-бюджетной сфере государства.

В период радикальной чистки банковской системы (2015–2020) Центральный банк России отозвал лицензию у каждого третьего российского банка. По подсчетам специалистов, только у первых 300 банков, лишившихся лицензии, реальная общая дыра в капитале составила 1,4 трлн р., а 47 % их активов, т.е. почти половина, оказались липой. Как считают эксперты, если Центральный банк РФ продолжит подобную практику, то примерно еще у около 400 банков всплывут те же проблемы. Однако тогда общая черная дыра достигнет минимум 6 % валового внутреннего продукта, или примерно 5,5 трлн р.

В свое время появился скандальный доклад Агентства по страховым вкладам, в котором прямым текстом было сказано, что 80 % рухнувших банков обанкротились по чисто криминальным причинам. Масштабы наворованного лично банкирами составили сумму в 550 млрд р. Продолжает расти тенденция оттока капитала из России за рубеж. Только за шесть месяцев 2019 г. капиталотток вырос в 1,5 раза, составив 27,3 млрд долл. При этом наиболее рекордным в этом отношении стал 2014 г., когда за рубеж утекли 153 млрд долл., что составило почти 10 трлн р., т.е. больше половины годового бюджета Российской Федерации⁵.

В этих условиях, безусловно, возрастает роль новых подходов, стандартов в обеспечении непрерывности контрольной деятельности в рассматриваемой сфере. В соответствии с Указом Президента РФ от 2 февраля 2016 г. № 41 «О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере»⁶ Федеральное казначейство РФ стало основным контрольно-ревизионным органом исполнительной власти, регламентирующим как планирование, так и организацию, проведение контрольно-надзорных мероприятий. В настоящее время оно выполняет полный цикл организационно-функциональной модели внутреннего государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере: от предварительного и текущего до последующего контроля, осуществляемого по результатам исполнения бюджета, а также определения применяемых мер ответственности к лицам, совершившим нарушения действующего законодательства.

Специалисты отмечают, что на сегодняшний день Федеральное казначейство РФ обладает всем необходимым для качественного решения вопросов контрольно-надзорной деятельности: от информационных систем и программного обеспечения с необходимой базой данных до воплощения Стандартов внутренней организации контрольных мероприятий, в которых устанавливаются единые нормы, прозрачность, превентивность и др., что позволяет избегать возможного воздействия со стороны объектов контроля с одновременным повышением скорости и результативности деятельности контролеров (ревизоров) [4, с. 19].

Соответственно, представляется важной дальнейшая работа по созданию единой системы универсальных стандартов, в рамках которой нашли бы отражение все элементы и раскрывались правила контрольной деятельности, в числе которых принципы, термины, определения, формы, способы, положения, руководства и др., регулирующие все ее этапы. Кроме того, функционирование контрольно-надзорной деятельности нуждается в методических рекомендациях, комментариях со стороны специалистов и официальных структур, в которых освещались бы вопросы проведения финансового контроля, использования средств федерального бюджета на развитие информационных технологий, научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок.

Таким образом, разработанные универсальные стандарты, методические рекомендации, а также классификатор нарушений позволят автоматизировать Федеральному казначейству РФ внутренние процессы планирования, организации контрольно-надзорной деятельности, а также унифицировать критерии и подходы к осуществлению финансового аудита [4, с. 20].

Специалисты отмечают, что в условиях масштабного развития цифровых технологий необходимо ожидать трансформацию системы публичного (государственного и муниципального) финансового

⁵ См.: Аргументы недели. – 2019. – № 46. – 27 ноября – 3 декабря.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – 8 февраля. – № 6. – Ст. 831.

контроля во многих областях социально-экономического развития, а также государственный (муниципальный) финансовый контроль на абсолютно новом уровне. Условиями и предпосылками такого рода утверждений называются новая управленческая парадигма, выстраиваемая в системе публичного управления, диджитализация процессов, затрагивающих функционирование публичных финансов, осмысление ключевых понятий и внедрение их в практику контрольно-надзорной деятельности: цифровой профиль контролера, цифровой протокол, цифровой бюджет, использование технологии *blockchain* (блокчейн) и другие потенциалы искусственного интеллекта.

Вместе с тем новые возможности осуществления контрольно-надзорной деятельности в финансовой сфере объективно выводят на ряд проблем (рисков, вызовов), которые нельзя не учитывать в процессе реформирования. К таковым относятся:

1) существующие пробелы в правовом регулировании обмена информацией между участниками контрольных отношений. При этом существует реальная угроза утраты такой информации или же ее попадания к ненадлежащим субъектам, что, в свою очередь, влечет за собой последствия неблагоприятного характера, вплоть до раскрытия корпоративной, служебной и даже государственной тайны;

2) новая группа проблем является следствием первой и состоит из потенциальных нарушений прав и законных интересов контролирующих органов и подконтрольных лиц, которые могут возникнуть в результате применения новых технологий в механизме публичного финансового контроля;

3) переход от бумажного (привычного) документооборота к документам электронным, а также введение электронного документооборота в деятельности объектов и субъектов публичного финансового контроля повышают риск утраты электронных документов, например, из-за хакерских атак или же взломов электронной системы [5, с. 154–158].

Изложенные проблемы и риски как иллюстрация возможных перспектив совершенствования контрольно-надзорной деятельности в условиях начатой реформы – лишь малая часть массива существующих вопросов, возникающих в связи с цифровизацией общественных отношений. Поиск возможных решений для обозначенных рисков должен стать приоритетным и необходимым.

Что касается иных направлений контрольно-надзорной деятельности, то их достаточно много. Полагаем возможным выделить некоторые из них. В частности, большинство специалистов полагают, что новой парадигмой контрольно-надзорной деятельности должен стать **переход от репрессивности к превентивности**, от наказания к предупреждению. В этих условиях должна быть создана эффективная система информирования о грядущих и существующих рисках в финансово-бюджетной сфере, взаимодействия всех элементов и структур финансово-контрольной деятельности [6].

Важным направлением контрольно-надзорной деятельности должен стать контроль над реализацией документов стратегического планирования развития отрасли, субъекта, региона, вплоть до муниципального образования. В качестве некоторой иллюстрации обратимся к вопросам организации контроля стратегического планирования на муниципальном уровне [7].

В соответствии с Федеральным законом РФ от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁷ стратегическое планирование на муниципальном уровне определяется как деятельность соответствующих участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития муниципального образования, его экономики и управления.

Логично предположить, что основными этапами стратегического планирования муниципального образования должны стать: процессы создания и претворения в жизнь программ и планов развития муниципального образования; комплекс мероприятий, нацеленных на выполнение стратегических задач муниципального развития; осуществление мониторинга и контроля над реализацией стратегического планирования в сфере социально-экономического развития муниципального образования и др.

Основными документами, которые будут отражать результаты мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования в муниципальном образовании, должны стать: ежегодные отчеты главы муниципального образования, главы местной администрации, иных должностных лиц и подведомственных главе муниципального образования органов местного самоуправления;

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – 30 июня. – № 26 (ч. 1). – Ст. 3378.

сводные годовые доклады о ходе реализации и об оценке эффективности реализации муниципальных программ; предложения по повышению эффективности всех звеньев системы стратегического планирования и др.

Решение столь содержательных и конструктивных задач в области контрольно-надзорной деятельности на уровне реализации документов стратегического планирования в муниципальном образовании объективно актуализирует, на наш взгляд, ряд проблем с проведением мониторинга и контроля, в числе которых:

- необходимость системного и регулярного обучения специалистов, которые осуществляют разработку документов стратегического планирования;
- формирование банка методических рекомендаций для определения содержательной части документов стратегического планирования;
- возможность привлечения сторонних специалистов, компаний-разработчиков для более грамотного и эффективного формирования пакета документов стратегического планирования;
- создание системы взаимодействия муниципальной, межмуниципальной и региональной власти по стратегическим вопросам планирования с учетом содержания отраслевых программ;
- формирование механизма эффективного взаимодействия с бизнес-сообществом, местными и региональными общественными объединениями, активными группами населения.

Полагаем, что нами предприняты попытки системного изложения современного состояния контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации как вектора трансформации публично-правового регулирования в сфере государственного и муниципального управления, уточнены ключевые понятия и организационно-правовые институты, определены приоритетные направления реформирования и совершенствования мониторинга и контроля в отдельных областях государственного и муниципального управления с учетом и на основе программно-целевых, институциональных, нормативно-правовых, проблемных аспектов. Результаты проведенного исследования могут иметь как научную, так и практическую значимость.

Список литературы

1. Наумов С.Ю., Гегедюш Н.С., Мокеев М.М., Подсумкова А.А. Государственное и муниципальное управление. – Москва: Дашков и К°, 2012. – 552 с.
2. Правкин С.А. Генезис форм государства и права в России: монография. – Москва: МИЭМП, 2005. – 200 с.
3. Дорохов Н.И. Векторное развитие социально-экономической сферы российского общества: административно-правовые аспекты // Устойчивое развитие: общество, экология, экономика: материалы XV Междунар. науч. конф.: в 4 ч. – Москва: изд. МУ им. С.Ю. Витте, 2019. – Ч. 4. – С. 36–49.
4. Лаврова Е.В., Моргунов Т.Н. Проблемы внедрения в практику эффективных инструментов контроля в финансово-бюджетной сфере // Государственная служба. – 2019. – Т. 21, № 3. – С. 18–22.
5. Шичанин М.А. К вопросу о месте цифровых технологий в системе публичного финансового контроля // Государство и право. – 2021. – № 5. – С. 154–158.
6. Полозков М.Г., Корнилов И.Н. Современный контроль и аудит: от репрессивности к превентивности // Государственная служба. – 2019. – Т. 21, № 1. – С. 58–63.
7. Симакова Е.Ю. Контроль над реализацией документов стратегического планирования в муниципальных образованиях // Государственная служба. – 2018. – Т. 20, № 6. – С. 59–64.

References

1. Naumov S.Yu., Gegedyush N.S., Mokeev M.M., Podsumkova A.A. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. – Moskva: Dashkov i K°, 2012. – 552 s.
2. Pravkin S.A. Genezis form gosudarstva i prava v Rossii: monografiya. – Moskva: MIEMP, 2005. – 200 s.
3. Dorohov N.I. Vektornoe razvitie social'no-ekonomicheskoy sfery rossijskogo obshchestva: administrativno-pravovye aspekty // Ustojchivoe razvitie: obshchestvo, ekologiya, ekonomika: materialy XV Mezhdunar. nauch. konf.: v 4 ch. – Moskva: izd. MU im. S.Yu. Vitte, 2019. – Ch. 4. – S. 36–49.
4. Lavrova E.V., Morgun T.N. Problemy vnedreniya v praktiku effektivnyh instrumentov kontrolya v finansovo-byudzhethnoj sfere // Gosudarstvennaya sluzhba. – 2019. – T. 21, № 3. – S. 18–22.

5. *Shichanin M.A.* К вопросу о месте цифровых технологий в системе публичного финансового контроля // *Gosudarstvo i pravo.* – 2021. – № 5. – С. 154–158.
6. *Polozkov M.G., Kornilov I.N.* Современный контроль и аудит: от репрессивности к превентивности // *Gosudarstvennaya sluzhba.* – 2019. – Т. 21, № 1. – С. 58–63.
7. *Simakova E.Yu.* Контроль над реализацией документов стратегического планирования в муниципальных образованиях // *Gosudarstvennaya sluzhba.* – 2018. – Т. 20, № 6. – С. 59–64.

УДК 347.97/99

РАССМОТРЕНИЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ СПОРОВ В ПЕРИОД COVID-19 (НА ПРИМЕРЕ СИНГАПУРА)

Слабоспицкий Анатолий Сергеевич^{1,2},
e-mail: slabospitskyas@gmail.com,

Шмыгленко Алексей Денисович¹,
e-mail: a.schmiglencko2015@yandex.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

Проведен анализ судебной системы Сингапура через призму ее судоустройственного и судопроизводственного механизма. Представлен краткий обзор опыта внедрения в данную систему электронных информационно-коммуникационных технологий. Обращается внимание на такие нетипичные суды, которые работают в ночное время. Задача исследования – краткий обзор опыта судопроизводства и судопроизводства по гражданским делам в условиях пандемии на примере города-государства Сингапура. Цель – осветить практические предложения зарубежной юрисдикции для переосмысления возможностей достижения доступности правосудия, а также благодаря умеренной рецепции рассмотреть возможность имплементации этого опыта. Методологическую основу проведенного исследования составили: сравнительно-правовой метод; формально-юридический метод; общенаучные методы познания. Анализ опыта работы данной страны в кризисной ситуации позволяет увидеть как вскрывающиеся недостатки примененных мер реагирования, так и успешное достижение поставленных задач по преодолению сложившейся нестандартной ситуации. Показательно, что ряд механизмов, предложенных к внедрению, носит общие основополагающие черты: переход на активное использование видео-конференц-связи, расширенное использование их высокотехнологических механизмов взаимодействия судебной системы и общества.

Ключевые слова: электронный суд, автоматизация судопроизводства, доступность правосудия, интернет

CONSIDERATION OF CIVIL DISPUTES IN THE PERIOD OF COVID-19 (ON THE EXAMPLE OF SINGAPORE)

Slabospitsky A.S.^{1,2},
e-mail: slabospitskyas@gmail.com,

Shmyglenko A.D.¹,
e-mail: a.schmiglencko2015@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

The analysis of the judicial system of Singapore through the prism of its judicial and judicial mechanism is carried out. A brief overview of the experience of introducing electronic information and communication technologies into this system is given. Attention is also drawn to such non-typical vessels that operate at night. The purpose of the study is a brief overview of the experience of legal proceedings and civil proceedings in the context of a pandemic on the example of the city state of Singapore. The purpose of the study is to highlight practical proposals of foreign jurisdiction for rethinking the possibilities of achieving accessibility of justice, and also, thanks to a moderate reception, to consider the possibility of implementing this experience. The methodological basis of the research was: comparative legal method, formal legal method and general scientific methods of cognition. The analysis of the experience of this country in a crisis situation allows us to see both the revealed shortcomings of the applied response measures and the successful achievement of the tasks set to overcome the

current non-standard situation. It is significant that a number of mechanisms proposed for implementation have common fundamental features: the transition to the active use of videoconferencing and the expanded use of their high-tech mechanisms of interaction between the judicial system and society.

Keywords: electronic court, automation of legal proceedings, accessibility of justice, internet

DOI 10.21777/2587-9472-2021-4-36-39

Судебная система Сингапура состоит из двух уровней: The Supreme Court (Верховный суд Сингапура) и State Courts (государственные суды) [1]. В качестве оснований к переименованию последних отмечалась необходимость дополнительно подчеркнуть их высокую значимость для общества, ввиду того что по подавляющему числу споров тяжущиеся обращаются именно в эти суды. Верховный суд Сингапура состоит из Высокого суда и Апелляционного суда и является высшим звеном судебной системы по уголовным, гражданским и экономическим спорам. Высокий суд Сингапура функционирует в качестве суда первой и апелляционной инстанции. Как суд апелляционной инстанции, он рассматривает жалобы на акты, принятые государственными судами.

В состав государственных судов первоначально входят: магистратские (мировые) суды; окружные суды; коронерские суды.

Некоторые окружные суды и мировые суды также относятся к специализированным судам, в том числе суд сообщества, дорожный суд и ночные суды, причем название данных судов отражает в первом случае их компетенцию, а во втором – режим работы, а именно в вечернее время, с целью не отвлекать граждан от повседневных дел для участия в судебном заседании.

Таким образом, распределение компетенций между перечисленными звеньями судебной системы Сингапура в основном происходит на основании предметного состава спора.

Переходя к опыту внедрения информационно-коммуникационных технологий в Сингапуре, следует отметить, что, согласно зарубежным и отечественным авторам, электронные технологии, с одной стороны, позволят оптимизировать и усовершенствовать действующие модели правосудия, а с другой – скорее всего, постепенно превратятся в мейнстрим для дальнейших реформ [2; 3].

Специализированная платформа EFS позволила создать популярные у сторон сервисы, связанные с доступом к базе данных судебных дел, начиная от поиска даты и времени судебного заседания и заканчивая получением электронного образа окончательного судебного акта [4]. Отметим, что для многих моделей правосудия продолжают быть актуальными такие технологические решения, которые позволяют всем заинтересованным лицам, не выходя из дома в любой момент времени, получить объективное представление о ходе рассмотрения судебного дела и одновременно нивелировать человеческий фактор со стороны сотрудников суда.

В сингапурских судах электронные технологии продолжают постепенно встраиваться в судопроизводство. Здесь обращает на себя внимание реализация так называемой «концепции императивных приказов», устанавливающей для лиц, участвующих в деле, определенные процессуальные сроки. Основные элементы такого механизма уже внедрены в процессуальные кодексы как Российской Федерации, так и Республики Казахстан. Отличительной особенностью механизма, примененного в Сингапуре, является его автоматизация [5].

Еще одной отличительной особенностью работы Сингапурской судебной системы является наличие общего правила проводить предварительные судебные заседания через видео-конференц-связь, а не «вживую».

В 2020 г., в условиях пандемии коронавируса, суды Сингапура в указанный временной отрезок фактически частично перестали рассматривать дела, за исключением только тех споров, которые не требовали отлагательств, и опять же акцент делался на том, чтобы по возможности рассмотрение этих дел осуществлялось с применением видео-конференц-связи или телефонной связи. Для определения единого перечня дел, которые были отнесены к категории неотложных, на официальных сайтах судов были опубликованы соответствующие списки. Все остальные споры, которые не попали в указанные списки, по умолчанию подлежали отложению. Учитывая, что фактически каждое судебное дело яв-

ляется уникальным, был предусмотрен исключительный механизм, согласно которому по заявлению сторон конкретный спор мог быть признан не требующим отлагательств [6, с. 80].

Вводились и дополнительные ограничения в части личного приема граждан, а прием всей входящей в суд корреспонденции переводился на дистанционный режим, т.е. в электронный вид или через почтовые отделения связи. Аналогично обстояло дело и с приемом посетителей суда по другим вопросам [7].

С 8 июня 2020 г. слушания по большинству дел были возобновлены. Чтобы эффективнее рассмотреть объективно избыточно накопленные материалы судебных дел, судьи Верховного суда Сингапура приняли решение о том, чтобы не уходить в свои традиционные ежегодные отпуска в июне, и такая практика нашла поддержку в судебных составах государственных судов Сингапура.

Судебная система Сингапура на данный момент является одной из наиболее высокотехнологичных моделей правосудия, а более чем двадцатилетний опыт внедрения таких механизмов только дополнительно подчеркивает это обстоятельство. Повсеместный опыт применения видеоконференц-связи уже шагнул дальше и в настоящий момент позволяет участвовать в судебном заседании, не выходя из дома, не только тяжущимся лицам, но и судьям. Более того, этот подход не ограничивает место нахождения сторон и позволяет участвовать в судебном процессе, находясь за границей. Кроме того, применение автоматизированных технологий в отношении как документооборота путем повсеместного перевода его в цифровой формат, так и автоматизации процесса отслеживания процессуальных сроков хода судебного заседания вызывает еще больший интерес к изучению таких технологических решений, носящих универсальный характер, с точки зрения их возможной имплементации в отечественном правосудии. В то же время обращает на себя внимание первоначальная недостаточность подготовки процессуального законодательства Сингапура к подобного рода форс-мажорным обстоятельствам, как минимум в понимании основных алгоритмов действий.

Список литературы

1. In the Supreme Court of the Republic of Singapore // Registrar's Circular. – 2020. – No. 3. – March 27.
2. School York University (Toronto, Canada). – URL: <http://www.research.osgoode.yorku.ca/iapl2007> (дата обращения: 03.01.2022). – Текст: электронный.
3. Гуреев В.А., Слабоспицкий А.С. Отдельные вопросы внедрения информационно-коммуникационных технологий в деятельность судов в контексте зарубежного опыта // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 10. – С. 72–75.
4. Lim Seng Siew. The role of Service Bureaux in EFS. – URL: <http://www.lawgazette.com.sg/2000-2/Feb00-20.htm> (дата обращения: 18.03.2021). – Текст: электронный.
5. Жуйков В., Борисова Е., Головки Л., Боннер А., Ярков В., Афанасьев С., Пашин С., Пацация М., Тай Ю., Смольников Д. Реформа судоустройства в России: новый этап // Закон. – 2016. – № 11. – С. 20–34.
6. Слабоспицкий А.С. Судебная система Сингапура (опыт работы в пандемию 2020 г.) // Вестник Казахского национального университета. – 2021. – Т. 97, № 1. – С. 78–86.
7. Message from Chief Justice Sundaresh Menon: the Singapore judiciary's response to COVID-19 (March 26, 2020). – URL: <http://www.perma.cc/WA7T-DBHN> (дата обращения: 12.03.2022). – Текст: электронный.

References

1. In the Supreme Court of the Republic of Singapore // Registrar's Circular. – 2020. – No. 3. – March 27.
2. School York University (Toronto, Canada). – URL: <http://www.research.osgoode.yorku.ca/iapl2007> (data obrashcheniya: 03.01.2022). – Tekst: elektronnyj.
3. Gureev V.A., Slabospickij A.S. Otdel'nye voprosy vnedreniya informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v deyatel'nost' sudov v kontekste zarubezhnogo opyta // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2019. – № 10. – S. 72–75.
4. Lim Seng Siew. The role of Service Bureaux in EFS. – URL: <http://www.lawgazette.com.sg/2000-2/Feb00-20.htm> (data obrashcheniya: 18.03.2021). – Tekst: elektronnyj.
5. Zhujkov V., Borisova E., Golovko L., Bonner A., Yarkov V., Afanas'ev S., Pashin S., Pacaciya M., Taj Yu., Smol'nikov D. Reforma sudoustrojstva v Rossii: novyj etap // Zakon. – 2016. – № 11. – S. 20–34.

6. *Slabospickij A.S.* Sudebnaya sistema Singapura (opyt raboty v pandemiyu 2020 g.) // Vestnik Kazahskogo nacional'nogo universiteta. – 2021. – T. 97, № 1. – S. 78–86.

7. Message from Chief Justice Sundaresh Menon: the Singapore judiciary's response to COVID-19 (March 26, 2020). – URL: <http://www.perma.cc/WA7T-DBHN> (data obrashcheniya: 12.03.2022). – Tekst: elektronnyj.

УДК 343.131

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Максимкин Юрий Анатольевич¹,

e-mail: max03-08@mail.ru,

Теплякова Ольга Алексеевна¹,

e-mail: oteplyakova@miiv.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Рассматриваются проблема применения результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств и судебная практика, связанная с этим аспектом. Вопрос легализации результатов оперативно-розыскной деятельности является одним из наиболее актуальных в уголовно-процессуальной науке. Однако нерешенными остаются и некоторые проблемы, непосредственно касающиеся осуществления оперативно-розыскных мероприятий. На практике суды общей юрисдикции при рассмотрении уголовных дел в абсолютном большинстве случаев ссылаются в обвинительных приговорах на результаты оперативно-розыскной деятельности именно как на доказательства, перечисляя через запятую показания свидетелей, рапорты и служебные записки. Подтверждение этой позиции обнаружено авторами в целом ряде проанализированных судебных решений. В результате делается вывод о необходимости регламентировать в уголовно-процессуальном законодательстве независимую процедуру легализации оперативно-розыскных мероприятий и корректировки порядка применения технических средств при фиксации наблюдаемых событий в ходе оперативно-розыскной деятельности. Применение таких средств должно допускаться исключительно при наличии специального судебного решения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, результаты оперативно-розыскной деятельности, доказательства, доказывание, уголовный процесс, уголовное судопроизводство

SOME PROBLEMS OF APPLYING THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES AS EVIDENCE

Maksimkin Yu.A.¹,

max03-08@mail.ru,

Teplyakova O.A.¹,

e-mail: oteplyakova@miiv.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article analyzes the problem of applying the results of operational-search activities as evidence, judicial practice related to this aspect. The issue of legalization of the results of operational-search activities is one of the most relevant in the criminal procedure science. However, some problems directly related to the implementation of operational-search measures remain unresolved. In practice, courts of general jurisdiction, when considering criminal cases, in the vast majority of cases, in their convictions refer to the results of the operational-search activity as evidence, listing the testimonies of witnesses, reports and memos separated by commas. Confirmation of this position by the author was found in a number of analyzed court decisions. As a result, the author concludes that it is necessary to regulate in the criminal procedure legislation an independent procedure for legalizing operational-search activities and adjusting the procedure for the use of technical means when fixing observed events in the course of operational-search activities. The use of such means should be allowed only with a special judicial decision.

Keywords: operational investigative activity, results of operational investigative activity, evidence, proving, criminal procedure, criminal proceedings

DOI 10.21777/2587-9472-2021-4-40-43

Понятие «результаты оперативно-розыскной деятельности» закреплено в п. 36.1 ч. 1 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Согласно указанной норме результатами оперативно-розыскной деятельности признаются «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда»¹. У большинства исследователей не возникает сомнений в том, что такие сведения могут иметь большое значение для установления истины по уголовному делу [1, с. 153]. Важная роль результатов оперативно-розыскной деятельности для уголовного судопроизводства обусловлена их следующими особенностями: непосредственное восприятие сотрудниками оперативных подразделений события совершенного преступления; возможность осуществления оперативно-розыскного познания в условиях конспирации; отсутствие детальной правовой регламентации познавательных приемов и методов оперативно-розыскной деятельности [2, с. 88]. Несмотря на это, результаты оперативно-розыскной деятельности в настоящее время официально не признаются процессуальными доказательствами [3, с. 27].

Так, в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Давлетова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» отмечено, что «результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые... могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем»². Это означает, что результаты оперативно-розыскной деятельности для признания их в качестве доказательств должны быть оценены на предмет их достоверности, допустимости и относимости. Следовательно, материалы оперативно-розыскных мероприятий должны быть получены предусмотренным законом способом, устанавливать обстоятельства, имеющие значение для дела, и отвечать иным требованиям, предъявляемым к доказательствам.

В то же время ученые отмечают, что «на практике суды общей юрисдикции при рассмотрении уголовных дел в абсолютном большинстве случаев ссылаются в обвинительных приговорах на результаты ОРД именно как на доказательства, перечисляя через запятую показания свидетелей, рапорты и служебные записки» [4]. Подтверждение этой позиции обнаружено авторами в целом ряде проанализированных судебных решений³.

Соответственно, следует согласиться с предложением ученых четко регламентировать в уголовно-процессуальном законодательстве независимую процедуру легализации оперативно-розыскных мероприятий.

В качестве примера правильных действий суда приведем следующую фабулу. Аскизский районный суд Республики Хакасия, рассматривая уголовное дело в отношении Р. по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1, ч. 2 ст. 228, ч. 1 ст. 232 Уголовного кодекса РФ, в отношении В. по ч. 2 ст. 228 Уголовного кодекса РФ, исследовал протокол осмотра компакт-диска, содержащего материалы оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров», проведенного в отношении Р., а также прослушал в судебном заседании содержащиеся на DVD-диске файлы, из которых усматривалось, что лица, ведущие телефонные переговоры, причастны к незаконному обороту наркотических средств⁴. Оценив представленные доказательства с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, суд пришел к

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации. – URL: <http://www.doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision308757.pdf> (дата обращения: 20.10.2021). – Текст: электронный.

³ Апелляционное постановление Томского областного суда по делу № 1-33/2020: [от 24 декабря 2020 г.]. – URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/OocFEN4zfFVQ> (дата обращения: 20.10.2021). – Текст: электронный; Постановление Бердского городского суда Новосибирской области по делу № 1-350/2020: [от 23 ноября 2020 г.]. – URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/FLAc9OH1k5oX> (дата обращения: 20.10.2021). – Текст: электронный; Приговор Беловского районного суда Кемеровской области по делу № 1-186/2020: [от 26 ноября 2020 г.]. – URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/0hOFz6vYs9ZV> (дата обращения: 20.10.2021). – Текст: электронный.

⁴ Приговор Аскизского районного суда Республики Хакасия: [от 15 октября 2018 г. по делу № 1-146/2018]. – URL: http://www.akzisky-hak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=31507588&case_uid=63488ed6-cf60-4d79-8dea-6a4a2ec87d27&delo_id=1540006 (дата обращения: 20.10.2021). – Текст: электронный.

правильному выводу о невозможности использования результатов оперативно-розыскного мероприятия для обоснования выводов о виновности подсудимых в инкриминируемых им деяниях. Суду не были представлены данные, на основании которых можно было бы сделать однозначный вывод о том, что телефонные переговоры велись именно Р., который, в свою очередь, не подтвердил данное обстоятельство в судебном заседании. Кроме того, в протоколе осмотра компакт-диска отсутствует указание на номера телефонов, которые прослушивались. В ходе предварительного расследования по делу лица, с которыми велись телефонные переговоры, достоверно не были установлены. Суждения свидетеля Б., высказанные им при проведении осмотра компакт-диска, о том, между кем велись переговоры, обоснованно отвергнуты судом, поскольку указанный свидетель не являлся участником данных телефонных переговоров. Таким образом, его суждения носят чисто субъективный, предположительный характер.

Вопрос легализации результатов оперативно-розыскной деятельности является одним из наиболее актуальных в уголовно-процессуальной науке. Однако нерешенными остаются и некоторые проблемы, непосредственно касающиеся осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

Так, в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» закреплено важное правило: «Поскольку ограничение права гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения, судам надлежит иметь в виду, что в соответствии с Федеральным законом "Об оперативно-розыскной деятельности" проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих указанные конституционные права граждан, может иметь место лишь при наличии у органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно; о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно. Обратить внимание судов на то, что результаты оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционных прав граждан, могут быть использованы в качестве доказательств по делам, лишь когда они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий и проверены следственными органами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством»⁵.

Приведенное положение однозначно не определяет, требуется ли судебное решение в случае, если само по себе оперативно-розыскное мероприятие такового не требует, но обстоятельства его проведения и технические параметры применяемых средств дополнительной фиксации могут ограничивать конституционные права граждан. Ответ на данный вопрос сформулирован в целом ряде решений Конституционного Суда РФ, например в п. 2 резолютивной части Определения Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Давлетова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В соответствии с этим пунктом «применение технических средств фиксации наблюдаемых событий не предопределяет необходимость вынесения о том специального судебного решения, которое признается обязательным условием для проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина»⁶.

Такая позиция суда конституционной инстанции вступает в противоречие, например, с позицией Европейского Суда по правам человека, изложенной в деле «Быков против Российской Федерации»⁷, и критикуется экспертами [4]. Следует заметить, что необходимость разработки изменений в законодательство об оперативно-розыскной деятельности в связи с решением по делу «Быков против Российской Федерации» была отмечена и в Докладе Правительства Российской Федерации о результатах

⁵ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: [от 31 октября 1995 г. № 8]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847 (дата обращения: 20.10.2021). – Текст: электронный.

⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации. – URL: <http://www.doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision308757.pdf> (дата обращения: 20.10.2021). – Текст: электронный.

⁷ Постановление Суда (г. Страсбург, Франция, 10 марта 2009 г.). – URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/902169805> (дата обращения: 20.10.2021). – Текст: электронный.

мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2011 г.⁸, однако никаких изменений до настоящего времени не последовало.

Итак, в результате проведенного анализа установлено, что существует необходимость регламентировать в уголовно-процессуальном законодательстве независимую процедуру легализации оперативно-розыскных мероприятий, поскольку в настоящее время в правоприменительной практике распространены случаи, когда суды ссылаются в обвинительных приговорах на результаты оперативно-розыскной деятельности как на доказательства, что противоречит нормам Уголовно-процессуального кодекса РФ. Кроме того, существует необходимость в корректировке порядка применения технических средств при фиксации наблюдаемых событий в ходе оперативно-розыскной деятельности. Применение таких средств должно допускаться исключительно при наличии специального судебного решения.

Список литературы

1. *Гаврилов Б.Я., Урбан В.В.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: законодательное регулирование и проблемы правоприменения // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 4. – С. 151–156.
2. *Елизарова А.Д.* Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Право: ретроспектива и перспектива. – 2020. – № 2. – С. 87–91.
3. *Полежаев А.А.* Актуальные проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве России // Юридический факт. – 2018. – № 33. – С. 26–28.
4. *Кузнецов Г.* КС РФ: результаты ОРМ не являются доказательствами. – URL: <http://www.advgazeta.ru/novosti/ks-rf-rezultaty-orm-ne-yavlyayutsya-dokazatelstvami> (дата обращения: 20.10.2021). – Текст: электронный.

References

1. *Gavrilov B.Ya., Urban V.V.* Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti v ugolovnom sudoproizvodstve: zakonodatel'noe regulirovanie i problemy pravoprimeneniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2018. – № 4. – S. 151–156.
2. *Elizarova A.D.* Problemy ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti v dokazyvanii po ugolovnym delam // Pravo: retrospektiva i perspektiva. – 2020. – № 2. – S. 87–91.
3. *Polezhaev A.A.* Aktual'nye problemy ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Yuridicheskij fakt. – 2018. – № 33. – S. 26–28.
4. *Kuznecov G.* KS RF: rezul'taty ORM ne yavlyayutsya dokazatel'stvami. – URL: [http://www.advgazeta.ru/novosti/ks-rf-rezultaty-orm-ne-yavlyayutsya-dokazatel'stvami](http://www.advgazeta.ru/novosti/ks-rf-rezultaty-orm-ne-yavlyayutsya-dokazatelstvami) (data obrashcheniya: 20.10.2021). – Tekst: elektronnyj.

⁸ Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2011 г. – URL: <http://www.minjust.gov.ru/ru/pages/doklad-o-rezultatah2011> (дата обращения: 20.10.2021). – Текст: электронный.

УДК 343.62

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Завьялова Наталья Алефтиновна¹,

e-mail: Nata_Zavjalova@mail.ru,

¹Управление Роспотребнадзора по Республике Коми, территориальный отдел в г. Воркуте,
г. Воркута, Россия

Убийство матерью новорожденного ребенка означает убийство новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Данный вид преступления является относительно новым для современного уголовного законодательства. Состав является привилегированным, поскольку санкция указанной статьи устанавливает наказание, которое значительно ниже, чем наказание за простое убийство. В настоящее время имеются некоторые трудности с рассмотрением объективной стороны указанного преступления.

Ключевые слова: убийство, детоубийство, новорожденный, ответственность за детоубийство

EVOLUTION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE MOTHER'S MURDER OF A NEWBORN CHILD IN RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATION

Zavjalova N.A.¹,

e-mail: Nata_Zavjalova@mail.ru,

¹Rospotrebnadzor Office for the Republic of Komi, territorial Department in Vorkuta, Vorkuta, Russia

The killing of a newborn child by a mother means the killing of a newborn child on time or immediately after childbirth, as well as the killing of a newborn child by a mother in a traumatic situation or in a state of mental disorder that does not exclude sanity. This type of crime is relatively new to modern criminal law. The composition is privileged, since the sanction of this article establishes a punishment that is significantly lower than the punishment for simple murder. Currently, there are some difficulties in considering the objective side of this crime.

Keywords: murder, infanticide, newborn, responsibility for infanticide

DOI 10.21777/2587-9472-2021-4-44-52

На протяжении многих веков отношение к убийству собственных детей эволюционировало. По большей части этапы эволюции зависели от определенного исторического периода.

В древние времена детоубийство считалось рациональной и приемлемой практикой. Оно было морально и юридически приемлемым средством контроля над численностью населения в дохристианских и нехристианских обществах, таких обществах, которыми восхищались, как Древняя Греция и Рим.

В обществах охотников-собирателей, где люди боролись за выживание, детоубийство считалось необходимостью. Это было почти обязательством не только перед детьми, но и перед группой – не создавать еще один рот для кормления, если была засуха или неудачный сезон охоты.

Первый серьезный вызов принятию детоубийства исходил от ранних иудейских и христианских пророков, согласно которым все люди, включая новорожденных, равны перед Богом.

Христианская религия была решительно настроена против любого противоестественного вмешательства в беременность и роды, в частности выступала против использования средств контрацепции и абортов. Это, в сочетании с ее акцентом на святости жизни, создало моральное осуждение детоубийства.

Мировой религиозный пыл в середине XV в. привел к суровым законам против детоубийства, и многие матери-детоубийцы были казнены. Однако к 1700-м гг. присяжные европейских стран стали уже менее охотно выносить смертный приговор. К тому времени мать, убившая своего ребенка, стала объектом некоторой жалости. Многие из этих женщин являлись домашней прислугой, забеременевшей от своего работодателя или его сына. Если бы их беременность была обнаружена, то они не только столкнулись бы с жестоким социальным неприятием, потеряли бы все перспективы вступления в брак, но и лишились бы работы, а затем не смогли бы найти другую домашнюю работу. В этой связи молодые женщины просто были вынуждены прервать жизнь своего новорожденного.

Что же касается исключительно отечественного отношения к рассматриваемому деянию, то, начиная исторический отчет с Древней Руси, следует отметить, что убийство младенца его матерью являлось не преступлением, а лишь грехом. Объясняется это тем, что по закону в то время родители были наделены правом распоряжаться жизнью своих детей [1, с. 85].

Пределы вмешательства государства в брачно-семейные отношения были заложены лишь с принятием на Руси христианства. После этого появились и первые источники, регулирующие отношения внутри семьи. Так, например, Устав «О церковных судах»¹ в ст. 9 предусматривал ответственность девушки, не находящейся в браке, за избавление от плода в виде отлучения от церкви на 10 лет. Такое деяние приравнивалось к убийству.

В Соборном Уложении 1649 г.² приводилась классификация убийства матерью новорожденного. Смертной казнью наказывалось тяжкое преступление – убийство матерью новорожденного вне брака. Менее тяжким являлось преступление, связанное с убийством новорожденного в браке, за которое предусматривалось наказание в виде лишь одного года тюрьмы. Такой подход был обусловлен верой.

При Петре I в стране были созданы специальные дома, которые предназначались для воспитания детей, рожденных вне брака, а их целью являлось сохранение жизни новорожденных, поскольку матери могли тайно и конфиденциально принести туда своих детей.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение) располагало норму об ответственности за детоубийство в разд. 10 «О преступлениях против жизни, здоровья и чести частных лиц», гл. 1 «О смертоубийстве». Убийство сына или дочери приравнивалось к убийству отца или матери, совершенному лицом, уже однажды наказанным за подобное преступление (ст. 1451)³. В качестве смягчающих обстоятельств предусматривались случаи убийства сына или дочери, родившихся вне брака, когда женщина испытывала стыд или страх. Наказание за подобное деяние смягчалось тремя степенями. Кроме того, упоминалось о причинении матерью смерти ребенку по неосторожности с особым указанием на тот факт, что женщина была не замужем, а беременность для нее являлась первой.

Достаточно интересная норма была предусмотрена ст. 1469 Уложения. В ней шла речь об ответственности за убийство женщиной младенца, обладающего чудовищным видом. Наказание за такое деяние зависело от вероисповедания субъекта преступления: если женщина была христианкой, наказанием для нее являлось придание церковному покаянию, а если нет, то ее лишали всех прав и преимуществ⁴.

Умышленное убийство ребенка его матерью стало признаваться менее опасным после принятия Уголовного уложения 1903 г. Статья 461, находившаяся в гл. 22 «О лишении жизни», устанавливала наказание в виде заключения в исправительном доме матери, виновной в убийстве внебрачного ребенка при его рождении. К слову, обычное убийство без каких-либо обстоятельств наказывалось каторгой не ниже 8 лет (ст. 453)⁵.

В соответствии со ст. 142 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.⁶ женщина, причинившая смерть своему родившемуся ребенку, подлежала ответственности по общей норме, предусматривающей квалифи-

¹ Устав князя Ярослава о церковных судах (краткая и пространная редакции) // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. В.Л. Янин. – Москва: Юридическая литература, 1984. – 432 с.

² Соборное уложение 1649 г. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 431 с.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – URL: http://www.pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_pakazanijah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf (дата обращения: 01.03.2021). – Текст: электронный.

⁴ Там же.

⁵ Уголовное уложение 1903 г. – URL: http://www.pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 01.03.2021). – Текст: электронный.

⁶ Собрание узаконений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

цированный состав убийства. Наказывалось такое преступление лишением свободы на срок не менее 8 лет, поскольку в качестве отягчающего обстоятельства был предусмотрен как раз признак совершения преступления с использованием беспомощного положения убитого (в рассматриваемом нами случае – состояние малолетства).

Интересно, что Уголовный кодекс РСФСР располагал уголовно-правовые нормы в порядке, отличающемся от того, что использует современный российский законодатель: сначала шли квалифицированные составы преступления и лишь после них основные.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. так же, как и его предшественник, предписывал оценивать анализируемый состав как квалифицированный на основании такого же признака преступления – совершение его специальным субъектом. Наказание, однако, за такое деяние уже было чуть строже – вплоть до 10 лет лишения свободы (ст. 136 Уголовного кодекса РСФСР)⁷.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. не содержал какой-либо специальной нормы. Это свидетельствует о том, что законодатель того периода не наделял убийство матерью ее новорожденного ребенка особой повышенной или пониженной степенью общественной опасности. Подобные случаи подлежали квалификации по нормам, предусматривающим ответственность за простое (ст. 103 Уголовного кодекса РСФСР) или квалифицированное убийство (ст. 102 Уголовного кодекса РСФСР) при наличии дополнительных отягчающих признаков⁸.

Примечательно, что Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. так же, как и уголовные законы 1922 и 1926 гг., располагал квалифицированный состав до основного.

В Уголовном кодексе РФ 1996 г., действующем по настоящее время, убийство матерью новорожденного стало квалифицироваться по ст. 106⁹. При этом не имеет значения, был ли такой ребенок рожден в браке или вне его.

С момента принятия действующего уголовного закона данная уголовно-правовая норма дважды претерпевала изменения и лишь в части, касающейся ее санкции. Так, в первоначальной редакции санкция ст. 106 Уголовного кодекса РФ предполагала в качестве наказания только лишение свободы. В 2009 г. в санкцию было включено еще одно наказание – ограничение свободы, и, наконец, в 2011 г., когда в составе уголовного закона появился новый вид наказания, – принудительные работы, которые также были включены в санкцию ст. 106 Уголовного кодекса РФ. Таким образом, действующая редакция рассматриваемой статьи предусматривает три альтернативных вида наказания.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод о том, что внимание законодателя причинению смерти ребенку его матерью уделялось на многих исторических этапах. Тем не менее, уголовно-правовая оценка такому поведению женщины в различные исторические периоды была не одинаковой. Зависело это во многом от действовавших на тот момент традиций, нравственных ценностей [2, с. 733].

Как известно, изучение положительного опыта зарубежных стран способствует эффективному поиску путей решения имеющихся проблем квалификации аналогичного деяния в российском праве.

На систему уголовных правоотношений значительное влияние оказывают конституционные и международно-правовые нормы. Установление уголовной ответственности за детоубийство в зарубежном законодательстве, в первую очередь, основывается на международных правовых актах. В 1948 г. была принята Всеобщая декларация прав человека¹⁰, в которой провозглашено, что дети имеют право на заботу и помощь. В ст. 6 Конвенции о правах ребенка 1989 г. закреплено следующее: государства-участники признают, что каждый ребенок имеет право на жизнь, а государства обязуются в максимальной возможной степени обеспечить выживание и здоровое развитие ребенка¹¹.

В странах дальнего зарубежья правовому регулированию уголовной ответственности за убийство младенцев присущи три основных подхода:

⁷ Собрание узаконений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

⁸ Ведомости Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

¹⁰ Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // СССР и международное сотрудничество в области прав человека: документы и материалы. – Москва, 1989.

¹¹ Сборник международных стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних. – Москва: ЮНИСЕФ, 1998. – 128 с.

- 1) отношение к деянию как к привилегированному составу;
- 2) ответственность за причинение смерти новорожденному ребенку наступает по правилам квалификации причинения смерти по неосторожности;
- 3) ответственность за причинение смерти новорожденному ребенку наступает как за простое убийство.

Исследуем особенности регламентации уголовной ответственности за рассматриваемое деяние с точки зрения этих подходов [3, с. 27].

Рассмотрим страны, которые разделяют законодательный подход, согласно которому детоубийство подлежит квалификации по правилам причинения смерти по неосторожности.

Австралийский штат Новый Южный Уэльс устанавливает ответственность за убийство ребенка в разд. 22 А(1) Закона о преступлениях 1900 г. Потерпевшим выступает ребенок в возрасте до 12 месяцев. Субъект преступления – женщина, родившая ребенка и имеющая психическое расстройство, явившееся последствием рождения ребенка или кормления грудью. Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины, однако в целом австралийский законодатель предписывает оценивать данное деяние по правилам неосторожности (S24). Максимальный срок за совершение подобного преступления составляет 25 лет лишения свободы¹².

Следует отметить, что австралийские законы о детоубийстве основаны на аналогичных положениях Великобритании, изложенных в Законе о детоубийстве 1938 г., который пришел на смену Закону 1922 г. Этот закон был принят в знак признания того факта, что женщины, лишавшие жизни своих детей в первый год их жизни, часто находились в душевном расстройстве из-за родов.

Законы, касающиеся детоубийства, восходят к 1624 г. и английскому статусу – «Закону о предотвращении уничтожения и убийства внебрачных детей». Этот закон применялся только к незаконнорожденным детям и основывался на том, что любая незамужняя мать, пытающаяся скрыть тело своего ребенка, должна быть виновна в убийстве. Это означало, что матери, которые пытались спрятать тело своего ребенка, могли быть признаны виновными в убийстве, даже если можно было с медицинской точки зрения доказать, что ребенок родился мертвым или умер естественной смертью. Таким образом, чтобы избежать осуждения, матери нужен был свидетель рождения, который мог бы доказать, что ребенок родился мертвым. В 1803 г. закон был заменен новым законом, который требовал доказать, что ребенок родился живым, прежде чем мать будет обвинена в убийстве, и вводил более мягкую санкцию за сокрытие факта рождения ребенка – два года лишения свободы. Как и предыдущий закон, новый закон применяется только к незамужним матерям.

Руководствуясь социальными и экономическими причинами, в 1922 г. Великобритания приняла Закон о детоубийстве, сделав детоубийство отдельным преступлением. Это означало, что детоубийство больше не каралось смертной казнью, а вместо этого влекло за собой те же наказания, что и непредумышленное убийство. Шестнадцать лет спустя в закон были внесены поправки, включившие в качестве потерпевших детей в возрасте до одного года. Грудное вскармливание обозначалось как причина нарушения душевного равновесия матери.

Австралийские юрисдикции Нового Южного Уэльса, Виктории, Тасмании и Западной Австралии приняли аналогичные акты на основе законов Великобритании 1938 г. Вашингтон был последним штатом, принявшим такой закон в 1986 г., а в 2008 г. он стал последним штатом, его отменившим по причине того, что законы о детоубийстве были приняты во времена, когда женщины, имевшие «незаконнорожденных» детей, осуждались. В настоящее время, когда социальная стигматизация детей вне брака исчезла, законы о детоубийстве утратили свою актуальность.

Уголовный кодекс Нидерландов, хоть и не упоминает термин «детоубийство», также содержит в себе норму об ответственности за схожее деяние. Статья 290 гласит: «Если мать, опасаясь, что факт рождения ею ребенка будет раскрыт, умышленно лишает его жизни при рождении или сразу же после него, считается виновной в неосторожном причинении смерти ребенку и подлежит наказанию на срок до 6 лет либо штрафу 4-й категории»¹³. К слову, обычное умышленное убийство в соответствии

¹² Crimes Act 1900 – Sec 22A. – URL: <http://www9.austlii.edu.au> (дата обращения: 01.03.2021). – Текст: электронный.

¹³ Criminal Code of the Kingdom of Netherlands. – URL: <http://www.legislationline.org/download/id/6415> (дата обращения: 01.03.2021). – Текст: электронный.

с Уголовным кодексом Нидерландов наказывается на срок не менее 15 лет либо штрафом 5-й категории (ст. 287).

Рассмотрим страны, в законодательстве которых встречается позиция, в соответствии с которой детоубийство должно наказываться менее строгим образом, чем простое убийство.

Уголовный кодекс Южной Кореи предусматривает норму об ответственности за детоубийство в гл. 24 «Убийства». Статья 251 определяет основную мотивацию причинения смерти матерью своему ребенку – «во избежание позора или из опасения невозможности воспитать ребенка». Наказание за такое деяние составляет лишение свободы на срок до 10 лет¹⁴.

Австралийский штат Виктория в Законе о преступлениях 1958 г. в разд. 6 также придает детоубийству статус привилегированного состава преступления: «Женщина, совершившая деяние в форме действия или бездействия по причине расстройства, вызванного родами или последствиями после родов в течение двух лет, приведшее к смерти ее ребенка, наказывается лишением свободы 6-го уровня (максимум 6 лет)»¹⁵. Как мы видим, штат Виктория устанавливает достаточно длительный период нахождения женщины в особом состоянии и, соответственно, новорожденного возраста ребенка – вплоть до достижения им двухлетнего возраста.

Кроме того, следует обратить внимание на неоднозначность выносимых в Австралии приговоров матерям, причинившим смерть своим детям по причине установленного в санкции широкого диапазона назначаемого срока лишения свободы (до 25 лет). Так, к примеру, женщине из Нового Южного Уэльса, утопившей своего маленького ребенка в 2010 г., было назначено наказание в виде четырех лет условного осуждения, в то время как другая женщина, которая признала себя виновной в убийстве своего четырехмесячного ребенка в мае 2019 г., была приговорена в штате Вашингтон к пожизненному заключению¹⁶. Традиционным наказанием для австралийских матерей, убивших своих детей, является испытательный срок или психиатрическое лечение.

Еще одной страной, оценивающей детоубийство с точки зрения привилегированного состава преступления, является Канада, в которой уголовно наказуемым убийством считается убийство, непредумышленное убийство или детоубийство. Убийство, не подпадающее ни под одну из этих категорий, преступлением не является. В соответствии со ст. 237 Уголовного кодекса Канады «женщина, будучи в состоянии психического расстройства, вызванного родами или кормлением грудью и причинившая смерть своему новорожденному ребенку в возрасте до одного года путем действия или бездействия, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет»¹⁷, в то время как максимальным наказанием за простое умышленное убийство, согласно канадскому уголовному законодательству, является пожизненное лишение свободы. Интересно отметить, что максимальное наказание назначается женщинам в Канаде крайне редко. Так, по словам канадского прокурора Джона Даймонда, ему, в процессе подготовки к судебному заседанию в 2019 г. по делу Шеннон Дон райдер, убившей трех своих новорожденных детей, так и не удалось найти ни одного случая применения максимального наказания за факт детоубийства в стране в последние несколько лет¹⁸.

До действующего канадского уголовного закона на подобные случаи распространялся Закон о детоубийстве 1948 г., расценивающий убийство младенцев как преступление со смягчающими обстоятельствами. В целом, канадское законодательство 1948 г. было основано на английском Законе об убийстве младенцев 1922 г.

Главная причина сочувствия матерям-детоубийцам заключалась в том, что жертвы являлись младенцами и, с традиционной точки зрения, считались менее чем полноценными людьми. В качестве санкции указанный закон предусматривал максимальные 5 лет лишения свободы, в отличие от максимальной смертной казни или пожизненного заключения за непредумышленное убийство и убийство. Инте-

¹⁴ Criminal Act of the Republic of South Korea. – URL: http://www.elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=28627&lang=ENG (дата обращения: 01.03.2021). – Текст: электронный.

¹⁵ Crimes Act 1958 – Sec 6. – URL: <http://www9.austlii.edu.au> (дата обращения: 01.03.2021). – Текст: электронный.

¹⁶ Mother Cassandra Doohan who murdered her baby Anastasia Hand fails to avoid life jail term. – URL: <http://www.abc.net.au/news/2019-09-10/mother-who-shook-baby-to-death-jailed-for-life-for-murder/11495094> (дата обращения: 01.03.2021). – Текст: электронный.

¹⁷ Criminal Code of Canada. – URL: <http://www.laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts> (дата обращения: 01.03.2021). – Текст: электронный.

¹⁸ Shannon Rayner sentenced to 6 years for infanticide. – URL: <http://www.cbc.ca/amp/1.5372008> (дата обращения: 01.03.2021). – Текст: электронный.

ресно заметить, что в то время некоторые женщины сразу выступили против нового закона, увидев в нем палку о двух концах. Несмотря на очевидно лучшее положение женщин, по мнению многих из них, приведенный закон, очевидно, ущемляет их положение и указывает на неполноценность перед мужчинами.

В 1984 г. Комиссия по реформе законодательства Канады отменила закон о детоубийстве по причине устаревшего медицинского взгляда. С того времени в Канаде официально легализованы контрацепция и аборт, а воспитание в приемных семьях и усыновление – это доступные варианты для молодых матерей, которые не могут заботиться о своих детях или не хотят работать.

Соединенные Штаты Америки также уделяют особое внимание ответственности за детоубийство. Приведем любопытные факты американских исследований: убийство находится на 13-м месте из всех основных причин смерти среди младенцев (т.е. детей в возрасте до одного года); в целом 75,0 % жертв младенческих убийств родились от незамужних матерей; почти все младенцы, ставшие жертвами убийств, родились в больнице (95,8 %) ¹⁹. Согласно уголовным законам некоторых штатов женщины, совершившие детоубийство, могут быть приговорены к длительному тюремному заключению или даже к смертной казни. Так, § 18.2 Уголовного кодекса Вирджинии гласит, что «любое лицо, сознательно совершающее частичное детоубийство при рождении и тем самым убивающее младенца, виновно в уголовном преступлении 4-го класса». При этом уголовный закон особым образом устанавливает, что к детоубийству ни в коем случае не могут быть отнесены случаи производства аборт. Уголовный закон Вирджинии предписывает определять новорожденного следующим образом: «Продукт человеческого зачатия, который был полностью или в значительной степени изгнан или извлечен из своей матери, независимо от продолжительности беременности, который после такого изгнания или извлечения дышит или проявляет любые другие признаки жизни, такие как биение сердца, пульсация пуповины или определенные движения произвольных мышц, независимо от того, перерезана ли пуповина или прикреплена плацента» ²⁰.

Интересно отметить, что многие страны, в том числе почти все американские штаты, в целях предупреждения случаев детоубийств приняли специальные законы, которые устанавливают возраст, до достижения которого мать может отдать ребенка в специализированное учреждение на совершенно законных основаниях.

Вступивший в силу в 2014 г. Уголовный кодекс Румынии ²¹ также демонстрирует гуманистический подход в вопросе регламентации ответственности женщины, причинившей смерть своему ребенку. Впервые, следует отметить, что в ст. 200 установлен крайне низкий возраст новорожденного ребенка – в течение 24 ч. Примечательно, что данная норма располагается в гл. 3 Уголовного кодекса «Преступления против семьи», что, соответственно, накладывает отпечаток на формирование непосредственного объекта преступления и существенно отличает подход румынского законодателя от других зарубежных стран, где рассматриваемая норма, как и в Российской Федерации, относится к преступлениям против жизни человека. Необходимо отметить, что предыдущий румынский уголовный закон также содержал в себе схожую правовую норму, однако не устанавливал при этом возраст потерпевшего ребенка, что существенно затрудняло правоприменительную практику.

Как мы видим, Уголовный кодекс Румынии 2014 г. отнесся к этому вопросу весьма строго и установил наименьший из всех рассматриваемых нами уголовных законов зарубежных государств возраст потерпевшего ребенка – всего лишь 24 ч с момента его рождения. Обычное убийство предполагает наказание в виде лишения свободы на срок 10–20 лет и запрет на осуществление определенных прав.

Интересно отметить, что законодательство отдельных стран существенно расширяет круг лиц, которые могут стать субъектом данного преступления. Как правило, субъект детоубийства – специальный, им признается мать новорожденного ребенка [4, с. 223]. Однако, например, по законодательству Андорры за соучастие в преступлении подлежат уголовной ответственности родители матери ²²,

¹⁹ Infant homicides within the context of safe haven laws. – URL: <http://www.cdc.gov/mmwr/volumes/69/wr/mm6939a1.htm> (дата обращения: 17.01.2021). – Текст: электронный.

²⁰ Code of Virginia. – URL: <http://www.law.lis.virginia.gov/vacode/title18.2/chapter4/section18.2-71.1> (дата обращения: 17.01.2021). – Текст: электронный.

²¹ Law of 1 July 2010 of the Criminal Procedure Code. – URL: http://www.legislationline.org/download/id/5896/file/Romania_CPC_am2014_EN.pdf (дата обращения: 17.01.2021). – Текст: электронный.

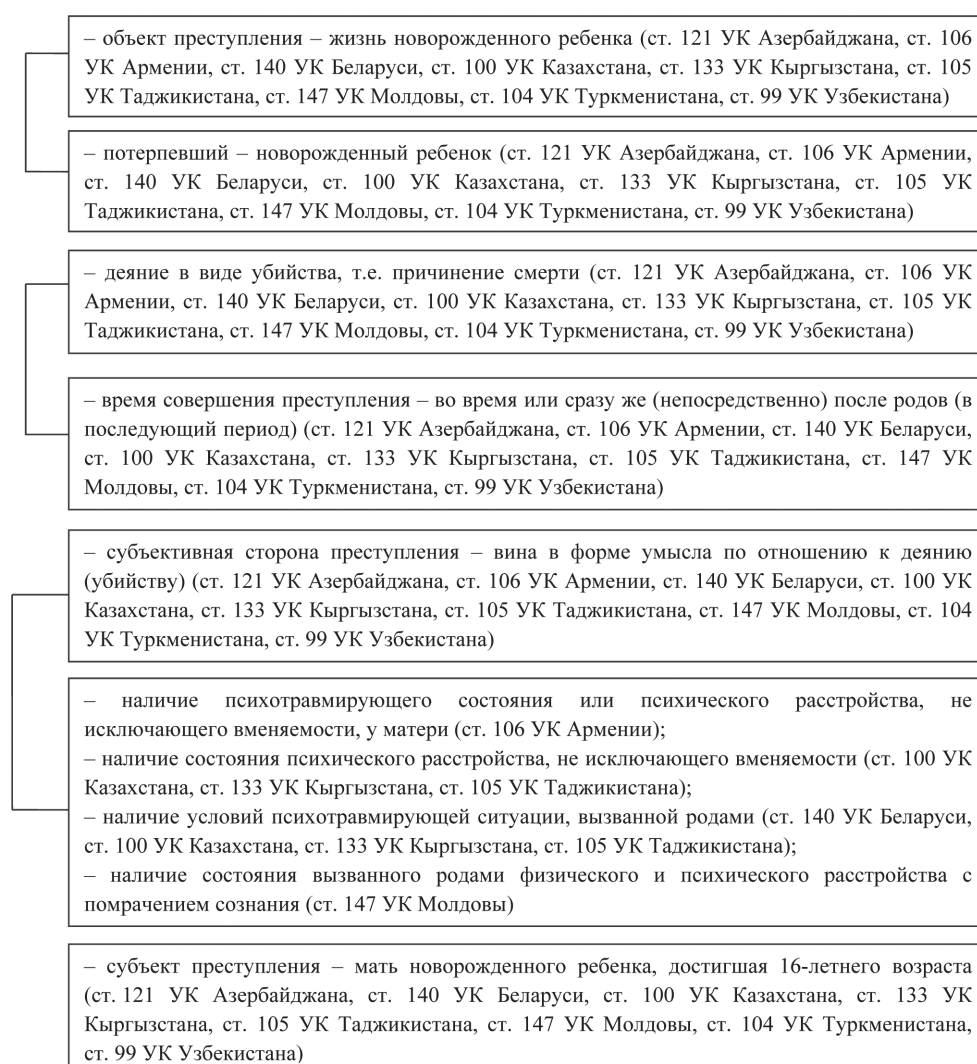
²² Уголовный кодекс Андорры. – URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes/country> (дата обращения: 01.03.2021). – Текст: электронный.

а в Аргентине – родители, братья, муж и дети, совершающие преступление с целью скрыть бесчестие матери ребенка²³.

Историческая общность правовых систем государств, ранее входивших в состав СССР, отразилась и в нормах об ответственности за рассматриваемое нами преступление. При этом необходимо отметить важную роль Модельного Уголовного кодекса для государств-участников СНГ²⁴, который является рекомендацией законодателям государств рассматривать его положения как образец при разработке своего законодательства. В ст. 113 разд. 7 Модельного Уголовного кодекса для государств-участников СНГ закреплены признаки рассматриваемого деяния. Как следствие, страны-участницы СНГ демонстрируют довольно схожий подход в механизме регламентации уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка.

Следует отметить, что из всех стран-участниц СНГ лишь Молдова именует в уголовном законе норму как «детоубийство». Остальные страны придерживаются российского подхода.

Основные признаки составов преступлений, предусматривающих ответственность за рассматриваемое деяние, отражены на следующей схеме.

Основные признаки составов преступлений, предусматривающих ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка, в уголовном законодательстве стран СНГ

²³ Уголовный кодекс Аргентины. – URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes/country> (дата обращения: 12.03.2021). – Текст: электронный.

²⁴ Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. – 1997. – № 10.

Примечательно, что Армения является единственным государством из всех стран-участниц СНГ, устанавливающим равный возраст уголовной ответственности с 14 лет за любой вид убийства (ст. 24). Уголовный кодекс Молдовы также предписывает привлекать за данное преступление с 14-летнего возраста (ст. 21), однако этот возраст не является единым для всех видов убийств. Следует подчеркнуть особенность рассматриваемых уголовно-правовых норм в Уголовных кодексах Таджикистана и Узбекистана: законодатели этих стран не предусматривают никаких особых состояний субъекта преступления.

Наконец, следует отметить, что точки зрения, согласно которой детоубийство следует оценивать как обычное убийство, в последнее время придерживаются такие страны, как Франция, Испания и другие, декриминализовавшие норму об ответственности за данное деяние. Так, к примеру, Уголовный кодекс Франции ранее содержал в себе § 217 «Убийство ребенка», однако в результате уголовно-правовой реформы данная норма была исключена из уголовного закона, а женщина, родившая внебрачного ребенка, во время родов или сразу после них, теперь подлежит ответственности за обычное убийство. Так, в соответствии со ст. 221-1 «лицо, совершившее убийство другого человека, подлежит наказанию в виде лишения свободы сроком на тридцать лет»²⁵.

Уголовный кодекс Испании также относит убийство матерью своего новорожденного ребенка к обычному убийству (ст. 138) и устанавливает наказание за его совершение в виде 15 лет лишения свободы²⁶.

Итак, подводя итог проведенному сравнительно-правовому исследованию, следует сказать, что сегодня в уголовном законодательстве зарубежных стран существует множество вариантов уголовно-правовой оценки рассматриваемого преступления, что во многом обусловлено историческими традициями и национальными особенностями. Так, страны ближнего зарубежья относят детоубийство, как правило, к категории привилегированных составов [5, с. 147].

Учет положительного опыта зарубежного уголовного законодательства в обозначенной сфере позволит помочь в процессе укрепления правовых гарантий защиты жизни новорожденного ребенка, а грамотная трансформация этого опыта может способствовать эффективному разрешению существующих противоречий.

Список литературы

1. Хатуев В.Б. Эволюция уголовного законодательства России об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка // LEX RUSSICA. – 2019. – № 1. – С. 84–85.
2. Гармышев Я.В., Егерев И.М., Пархоменко С.В. К вопросу о квалификации некоторых оценочных понятий в уголовном праве России // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 4. – С. 732–739.
3. Зубова А.В. О некоторых вопросах конструирования объективной стороны состава убийства матерью новорожденного ребенка // Центральный научный вестник. – 2019. – Т. 4, № 22-23. – С. 27–28.
4. Сенина К.С. Особенности определения времени совершения преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. – 2018. – С. 221–223.
5. Кара И.С., Кара С.В. Убийство матерью новорожденного ребенка: вопросы законодательного совершенствования // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10, № 8-1. – С. 143–153.

References

1. Hatuev V.B. Evolyuciya ugovolnogo zakonodatel'stva Rossii ob otvetstvennosti za ubijstvo mater'yu novorozhdennogo rebenka // LEX RUSSICA. – 2019. – № 1. – S. 84–85.
2. Garmyshev Ya.V., Egerev I.M., Parhomenko S.V. K voprosu o kvalifikacii nekotoryh ocenochnyh ponyatij v ugovolnom prave Rossii // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2016. – T. 10, № 4. – S. 732–739.
3. Zubova A.V. O nekotoryh voprosah konstruirovaniya ob'ektivnoj storony sostava ubijstva mater'yu novorozhdennogo rebenka // Central'nyj nauchnyj vestnik. – 2019. – T. 4, № 22-23. – S. 27–28.

²⁵ Уголовный кодекс Франции. – URL: http://www.yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/_doc-5-.pdf (дата обращения: 01.03.2021). – Текст: электронный.

²⁶ Уголовный кодекс Испании. – URL: http://www.mjusticia.gob.es/es/AreaTematica/DocumentacionPublicaciones/Documents/Criminal_Code_2016.pdf (дата обращения: 01.03.2021). – Текст: электронный.

4. *Senina K.S.* Osobennosti opredeleniya vremeni soversheniya prestupleniya, predusmotrennogo stat'ej 106 Ugolvnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // *Yuridicheskie nauki, pravovoe gosudarstvo i sovremennoe zakonodatel'stvo: sb. st. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* – 2018. – S. 221–223.
5. *Kara I.S., Kara S.V.* Ubijstvo mater'yu novorozhdenного rebenka: voprosy zakonodatel'nogo sovershenstvovaniya // *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava.* – 2020. – T. 10, № 8-1. – S. 143–153.

УДК 347.218.2

К ВОПРОСУ ОБ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОБОСОБЛЕННОСТИ САДОВОДЧЕСКОГО НЕКОММЕРЧЕСКОГО ТОВАРИЩЕСТВА

Иткина Яна Яковлевна¹,
e-mail: itkinayana8@mail.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Статья посвящена рассмотрению особенностей правового режима имущества общего пользования некоммерческих организаций, создаваемых для ведения садоводства и огородничества, порядка его формирования и использования. Проведен анализ имущественной обособленности юридического лица. Предпринята оценка состояния действующего законодательства, регламентирующего деятельность садоводческих и огороднических товариществ. Изложены аргументированные предложения по его совершенствованию, в частности о внесении дополнений в ч. 7 ст. 14 Федерального закона Российской Федерации от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ (далее – Закон), касающихся детализации порядка исчисления членских и целевых взносов, в ст. 17 Закона – об изменении порядка голосования, а также в ч. 8 ст. 25 Закона – о предоставлении возможности безвозмездной передачи имущества общего пользования в собственность территориальных энергетических предприятий.

Ключевые слова: садоводческое некоммерческое товарищество, имущественная обособленность, юридическое лицо, заочное голосование, имущество общего пользования

ON THE ISSUE OF THE PROPERTY SEPARATENESS OF A GARDENING NON-PROFIT PARTNERSHIP

Itkina Ya.Ya.¹,
e-mail: itkinayana8@mail.ru,
¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article is dedicated to the consideration of the legal regime of common use property of non-profit organizations created for gardening and horticulture. The property separateness of the legal entity was analyzed. The evaluation of the state of the current legislation of the activities of gardening and horticultural partnership was undertaken. The reasoned proposals for its improvement are presented, in particular, on making additions to part 7 article 14 Federal Law dated 29.07.2017 № 217-FZ (hereinafter: Law, Law № 217-FZ, gardening Law), concerning the details of the procedure for calculating membership and target contributions; to article 17 of the Law on changing the voting procedure, as well as to part 8 of Article 25 of the Law on granting the possibility of gratuitous transfer of common use property to the ownership of territorial energy enterprises.

Keywords: gardening non-profit partnership, property separateness, legal entity, absentee voting, common use property

DOI 10.21777/2587-9472-2021-4-53-58

Садоводческим и огородническим объединениям посвящены различные диссертации и исследования, которые определяют правовой статус некоммерческих организаций, характеризующийся в первую очередь их специальной гражданской правоспособностью, реализация которой осуществляется исключительно в рамках их уставных целей. К исследованиям, посвященным данной проблематике, можно отнести работы А.И. Бутовецкого [1; 2], Т.С. Серегиной [3; 4]. К научно-исследовательским публикациям, раскрывающим отдельные вопросы имущественной обособленности юридического лица в гражданском праве и их организационно-правовых форм, относятся статьи Е.И. Захаровой [5], О.Н. Лебединца [6], А.Ю. Мохова [7], В.В. Подсосонной [8].

Особенности гражданско-правового положения некоммерческих организаций, создаваемых гражданами для ведения садоводства и огородничества, определяются Федеральным законом РФ от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ (ред. от 22 декабря 2020 г.) «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон, Закон № 217-ФЗ, Закон о садоводстве)¹.

Цели создания товарищества определены в ст. 7 Закона, которое вправе осуществлять свою деятельность для совместного владения, пользования и в установленных федеральным законом пределах распоряжения гражданами имуществом общего пользования, находящимся в их общей долевой собственности или в общем пользовании.

Для разработки наглядной системы правового регулирования имущественных отношений юридических лиц требуется исследование ряда правовых проблем, регламентирующих распоряжение юридическим лицом своим имуществом.

В российском законодательстве среди признаков юридического лица на первом месте выделяется обособленное имущество, которое должно быть у него в наличии или же юридическое лицо должно обладать в отношении него иными основаниями права собственности [9].

Сущность механизма юридического лица состоит в создании такого нового субъекта права (учреждения, общества, товарищества), имущество которого обособлено от имущества его создателей (учредителей, участников), что позволяет данной организации самостоятельно действовать в гражданском обороте [10].

Таким образом, имущественная обособленность – это экономический признак, присущий всем юридическим лицам с момента их образования, а под имущественной обособленностью, как признаком юридического лица, гражданское законодательство понимает, во-первых, индивидуализацию данного имущества в новообразованном субъекте права, во-вторых, закрепленность его за созданной организацией.

Имущественная обособленность юридического лица проявляется в закреплении за ним имущества, которым юридическое лицо вправе распоряжаться. Данный признак нашел отражение в ст. 48 «Понятие юридического лица» Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)²: юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам.

Соответственно, важнейшим элементом концепции гражданско-правового статуса садоводческого некоммерческого товарищества (далее – СНТ) как юридического лица является вопрос о правовом режиме собственного имущества СНТ и имущества его членов [11].

Таким образом, правовой режим имущества общего пользования СНТ, имевшегося в садоводческом объединении до 1 января 2019 г., и недвижимого имущества, приобретенного или созданного впоследствии, принадлежащего на праве общей долевой собственности лицам, являющимся владельцами садовых или огородных земельных участков, представляет собой совокупность правил, регламентирующих имущественную сферу общественных отношений, связанных с садоводческим или огородническим некоммерческим товариществом (далее – ОНТ).

Оценивая состояние действующего законодательства, необходимо подчеркнуть, что правовой режим имущества СНТ включает общие положения гражданского законодательства (ст. 123.13 ГК РФ), а также нормы специального закона – гл. 6 Закона № 217-ФЗ.

Анализируя положения гражданского законодательства, отметим, что СНТ может иметь имущество, основанное на вещном и обязательственном праве.

Поскольку законодатель исключил из действующей редакции ст. 48 ГК РФ вещные права, следует полагать, что имущество может принадлежать юридическому лицу и на обязательственном праве, например на праве аренды.

Кроме того, в СНТ имеется собственное имущество его членов, к которому относится весь комплекс имущества членов товарищества.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31 (ч. 1). – Ст. 4766.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1): [от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 21 декабря 2021 г.)]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2021). – Текст: электронный.

Ранее вопрос взыскания денежных средств с лиц, получивших земельные участки по наследству или на основании других правомерных сделок, и граждан, ведущих садоводство в индивидуальном порядке, не был урегулирован³, однако в ст. 5 действующего Закона о садоводстве эта проблема разрешена. Собственники земельных участков, расположенных на территории товарищества, должны вносить плату за пользование объектами имущества общего пользования, а также уплачивать целевые взносы.

Законодатель в п. 1 ст. 123.13 ГК РФ прямо указал, что товарищество собственников недвижимости является собственником своего имущества. В частности, в подп. 2.1 указанной статьи сказано, что имущество общего пользования в садоводческом или огородническом некоммерческом товариществе принадлежит на праве общей долевой собственности лицам, являющимся собственниками земельных участков, расположенных в границах территории ведения гражданами садоводства или огородничества для собственных нужд. Данное положение ориентирует на допустимость широкого использования специального законодательства для регулирования общественных отношений, связанных с ведением гражданами садоводства и огородничества.

Следует отметить, что в СНТ имеется собственное имущество товарищества как юридического лица. Кроме того, есть имущество, владельцами которого являются члены товарищества по отдельности, а также имущество, которое является общей долевой собственностью всех членов товарищества.

Несмотря на то что с момента введения в действие Закона (1 января 2019 г.) прошло всего три года, правовое регулирование сферы садоводства нуждается в совершенствовании.

Ведение садоводства и огородничества не в полной мере регламентировано законодательно. Это приводит к нарушению прав и законных интересов граждан, занимающихся садоводством, в частности установлению размера взносов за пользование имуществом общего пользования в отсутствие финансово-экономического обоснования.

Основным, а в ряде садоводств и единственным, источником формирования и содержания имущества общего пользования являются взносы членов товарищества. В Законе № 217-ФЗ их количество сокращено до двух видов. Статьей 14 Закона они ограничены членскими и целевыми взносами.

Понятие взносов – денежных средств, вносимых садоводами, дано в п. 7 ст. 3 Закона о садоводстве. Хотя в ч. 7 ст. 14 Закона прописан примерный порядок расчета членских взносов, который может отличаться для отдельных членов товарищества, если это обусловлено различным объемом использования имущества общего пользования в зависимости от размера садового или огородного земельного участка и (или) суммарного размера площади объектов недвижимого имущества, расположенных на таком земельном участке, или размера доли в праве общей долевой собственности на такой земельный участок и (или) расположенные на нем объекты недвижимого имущества, этот перечень нельзя признать достаточным. Среди садоводов велико количество малообеспеченных, а для них несправедливый, по их мнению, расчет размера взноса является принципиальным.

Можно обратиться к порядку расчета взносов в СНТ «Ромашка – Плюс». В его новом Уставе, принятом 29 мая 2021 г. уже на базе последнего Закона о садоводстве № 217-ФЗ, порядок исчисления размера взносов тождественен примерному порядку, прописанному в ч. 7 ст. 14 Закона. На практике это означает, что после составления сметы расходов определяется размер членского взноса за одну сотку, а потом общий размер членского взноса рассчитывается исходя из площади земельного участка садовода. При этом не учитывается, что участком одной и той же площади могут пользоваться 1–2 садовода либо 4–6 или более. Одни пользуются участком 1–2 месяца, приезжая летом, в то время как другие проживают постоянно. При определении величины членского взноса эти аспекты не учитываются.

Размер целевых взносов определяется путем деления общей суммы сметы (например, сметного расчета монтажа воздушных линий электроснабжения) на количество участков. Площадь земельного участка и приведенные особенности его использования не учитываются. В результате степень участия садоводов в формировании общей долевой собственности нельзя признать справедливой.

³ О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан: Федеральный закон Российской Федерации: [от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) (утратил силу)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 16. – Ст. 180.

Для устранения обозначенной проблемы требуется внесение изменений в ч. 7 ст. 14 Закона № 217-ФЗ.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 17 Закона принятие решения о создании (строительстве, реконструкции) или приобретении имущества общего пользования, в том числе земельных участков общего назначения, и о порядке его использования относится к исключительной компетенции общего собрания членов товарищества. Исходя из этого, порядок голосования по данному вопросу имеет существенное значение.

Порядок голосования по отдельным вопросам указан в различных статьях Закона. По рассматриваемому в статье вопросу об имущественной обособленности садоводческих некоммерческих объединений граждан порядок принятия решений и участия в голосовании и собственников садовых или огородных земельных участков, не являющихся членами товарищества, определен в ч. 2 и 3 ст. 17 Закона. По вопросу о создании или приобретении имущества общего пользования решения общего собрания членов товарищества принимаются квалифицированным большинством – не менее 2/3 голосов от общего числа присутствующих на общем собрании членов товарищества. Кроме того, решения общего собрания членов товарищества принимаются с учетом результатов голосования и собственников садовых или огородных земельных участков, не являющихся членами товарищества. Это следует знать и неукоснительно выполнять при организации и проведении общего собрания СНТ. В противном же случае решение о формировании и использовании имущества общего пользования будет нелегитимным.

Не менее важен для разрешения вопроса, которому посвящена статья, порядок принятия решения общего собрания членов товарищества в форме очно-заочного или заочного голосования, предусмотренного ч. 21–26 ст. 17 Закона. Дело в том, что Закон 217-ФЗ принят 29 июня 2017 г., а интересующие нас изменения, касающиеся порядка голосования, внесены Федеральным законом РФ от 22 декабря 2020 г. № 445-ФЗ. В следующем году был принят Федеральный закон РФ от 28 июня 2021 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», которым внесены изменения в гл. 9.1 ГК РФ «Решение собрания».

Новеллы позволили членам гражданско-правового сообщества участвовать в заседании дистанционно с помощью электронных или иных технических средств, принимать решение собрания без проведения заседания (заочное голосование), составлять протокол в письменной форме, в том числе с помощью электронных или иных технических средств.

В результате Закон № 217-ФЗ «отстал» от ГК РФ, соответственно, в него необходимо внести изменения и дополнения. Сформулировать содержание новой редакции Закона 217-ФЗ в данной статье не требуется, поскольку Правительством Российской Федерации подготовлен Законопроект № 43016-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Помимо изменения порядка голосования в него включены и другие дополнения, в частности детализация порядка исчисления взносов, что и предложено в данной статье.

Правительством Российской Федерации предложено принять законопроект в первом чтении. Предлагаемая дата рассмотрения Государственной Думой Федерального Собрания РФ – 10 марта 2022 г.

Однако в ч. 8 ст. 25 Закона предусмотрено, что имущество общего пользования может быть передано безвозмездно в государственную собственность субъекта Российской Федерации или муниципального образования, на территориях которых расположена территория садоводства или огородничества.

Представляется необходимым исследовать практику отчуждения с целью передачи для эксплуатации и обслуживания объектов электросетевого хозяйства СНТ территориальным сетевым организациям. Подобные объекты создавались СНТ за счет целевых взносов, являются имуществом общего пользования и имеют существенную стоимость в денежном выражении. По реальной стоимости сетевые организации приобретать их не будут. В то же время эксплуатация электросетей и трансформаторных подстанций профессиональными организациями сулит СНТ освобождение от их ремонта и поддержания в рабочем состоянии, а также избавляет от налогов.

Возьмем в качестве примера СНТ «Ромашка – Плюс», в котором на общем собрании 29 мая 2021 г. приняли решение заключить с АО «Сибирско-Уральская энергетическая компания» договор купли-продажи имущества в следующем составе: линии ВЛ-0,4 кВ и ВЛ-10 кВ; две трансформаторные

подстанции стоимостью 1000 р. за каждую. Исходя из несопоставимости реальной стоимости линий электропередач, трансформаторов и стоимости их продажи, фактически имеет место безвозмездная передача имущества общего пользования АО «Сибирско-Уральская энергетическая компания», являющемуся организацией, деятельность которой регулируется Федеральным законом РФ от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»⁴.

Поскольку передача на баланс энергетических предприятий принадлежащих СНТ и ОНТ линий электропередач и сопутствующих электроустановок повысит их эксплуатационные качества и безопасность обслуживания, представляется необходимым дополнить ч. 8 ст. 25 Закона возможностью безвозмездной передачи являющихся имуществом общего пользования линий электропередач и сопряженных электроустановок в собственность территориальных энергетических предприятий.

Заключение

В Российской Федерации широко распространены садоводческие и огороднические некоммерческие товарищества, члены которых ведут садоводство и огородничество в индивидуальном порядке. По последним статистическим данным сельскохозяйственной микропереписи в Российской Федерации, на декабрь 2021 г. насчитывалось 66,2 тыс. СНТ и 1,7 тыс. ОНТ (в Москве и Московской области – 11,5 тыс. СНТ)⁵.

Следует отметить, что более 60 млн граждан сезонно или круглогодично проживают на земельных участках, предназначенных для садоводства, либо пользуются огородными участками⁶.

По оценке Росстата, на 1 января 2022 г. в нашей стране постоянно проживали 145,5 млн человек. Очевидно, что приведенные цифры более чем значимы.

Действующий Закон № 217-ФЗ определяет, что садоводческое или огородническое некоммерческое товарищество является видом товарищества собственников недвижимости. Основные понятия товарищества собственников недвижимости и его имущества закреплены в ст. 123.12 и 123.13 ГК РФ. Имущественная обособленность является одним из основных признаков конструкции юридического лица, отражающего в первую очередь его экономическую сущность. Однако некоторые теоретические вопросы, связанные с особенностями правового положения СНТ и ОНТ, особенно возникшие в последнее время, разработаны недостаточно.

Наши усилия были направлены на выявление проблем СНТ и ОНТ, имеющих в российском законодательстве, и поиск способов их преодоления. Предлагаемые в статье дополнения в Закон № 217-ФЗ направлены на упорядочение правового регулирования СНТ, создание прозрачных процедур управления, широкое внедрение цифровых технологий в работу общих собраний, а также на обеспечение совершенствования корпоративных и имущественных отношений, возникающих при ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд.

Список литературы

1. *Бутовецкий А.И.* Правовое положение садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединений граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Москва, 2010. – 32 с.
2. *Бутовецкий А.И.* Новые вопросы о правовом положении некоммерческих объединений граждан (садоводческих, огороднических и дачных объединений) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2017. – № 2. – С. 105–113.
3. *Серегина Т.С.* Садоводческие и огороднические некоммерческие товарищества как вид товариществ собственников недвижимости // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – № 4. – С. 79–86.
4. *Серегина Т.С.* Эволюция организационно-правовых форм объединений граждан в области садоводства и огородничества // Ленинградский юридический журнал. – 2019. – № 2. – С. 96–104.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 1.

⁵ Оперативные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 г. – URL: <http://www.rosstat.gov.ru/folder/75792> (дата обращения: 18.03.2021). – Текст: электронный.

⁶ Общероссийская общественная организация «Союз садоводов России». – URL: <http://www.souzsadovodov.ru/userfiles/souzsadovodov2018.pdf> (дата обращения: 14.02.2021). – Текст: электронный.

5. *Захарова Е.И.* О понятии «имущественная обособленность юридического лица» // Искусствоведческие, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4: в 3 ч. – Ч. 3. – С. 59–61.
6. *Лебединец О.Н.* Имущественная обособленность в конструкции юридического лица // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 10. – С. 169–175.
7. *Мохов А.Ю.* Имущественная обособленность как важнейший признак юридического лица // Актуальные проблемы права: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2017 г.). – Москва: Буки-Веди, 2017. – С. 31–34.
8. *Подсосонная В.В.* Обособление имущества // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. – Москва: Статут, 2007. – С. 251–277.
9. *Цветков А.А., Чулюкова С.А., Свищева В.С.* Проблемы имущественной обособленности как конструктивный признак юридического лица // Высшее образование сегодня. – 2014. – № 10. – С. 105–108.
10. *Суханов Е.А., Брагинский М.И., Витрянский В.В., Звеков В.П., Ярошенко К.Б.* Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей: монография. – Москва: Правовая культура, 1995. – 478 с.
11. *Саяпина Т.С.* Правовой режим имущества товарищества собственников недвижимости и его членов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2020. – № 7. – С. 52–61.

References

1. *Butoveckij A.I.* Pravovoe polozhenie sadovodcheskih, ogorodnicheskikh i dachnyh nekommercheskih ob"edinenij grazhdan: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03. – Moskva, 2010. – 32 s.
2. *Butoveckij A.I.* Novye voprosy o pravovom polozhenii nekommercheskih ob"edinenij grazhdan (sarovodcheskih, ogorodnicheskikh i dachnyh ob"edinenij) // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya "Ekonomika. Upravlenie. Pravo". – 2017. – № 2. – S. 105–113.
3. *Seregina T.S.* Sadovodcheskie i ogorodnicheskie nekommercheskie tovarishchestva kak vid tovarishchestv sobstvennikov nedvizhimosti // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. – 2019. – № 4. – S. 79–86.
4. *Seregina T.S.* Evolyuciya organizacionno-pravovyh form ob"edinenij grazhdan v oblasti sadovodstva i ogorodnichestva // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. – 2019. – № 2. – S. 96–104.
5. *Zaharova E.I.* O ponyatii "imushchestvennaya obosoblennost' yuridicheskogo lica" // Iskusstvovedcheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2013. – № 4: v 3 ch. – Ch. 3. – С. 59–61.
6. *Lebedinec O.N.* Imushchestvennaya obosoblennost' v konstrukcii yuridicheskogo lica // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2014. – № 10. – S. 169–175.
7. *Mohov A.* YU. Imushchestvennaya obosoblennost' kak vazhnejshij priznak yuridicheskogo lica // Aktual'nye problemy prava: materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, dekabr' 2017 g.). – Moskva: Buki-Vedi, 2017. – S. 31–34.
8. *Podsosonnaya V.V.* Obosoblenie imushchestva // Ob"ekty grazhdanskogo oborota: sb. st. / отв. red. М.А. Рожкова. – Moskva: Statut, 2007. – S. 251–277.
9. *Cvetkov A.A., Chulyukova S.A., Svishcheva V.S.* Problemy imushchestvennoj obosoblennosti kak konstruktivnyj priznak yuridicheskogo lica // Vysshee obrazovanie segodnya. – 2014. – № 10. – S. 105–108.
10. *Suhanov E.A., Braginskij M.I., Vitryanskij V.V., Zvekov V.P., Yaroshenko K.B.* Kommentarij chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii dlya predprinimatelej: monografiya. – Moskva: Pravovaya kul'tura, 1995. – 478 s.
11. *Sayapina T.S.* Pravovoj rezhim imushchestva tovarishchestva sobstvennikov nedvizhimosti i ego chlenov // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. – 2020. – № 7. – S. 52–61.

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 4 (30)' 2021

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор	<i>Голованова Е.В.</i>
Компьютерная верстка	<i>Савеличев М.Ю.</i>
Переводчик	<i>Грибов В.В.</i>

Электронное издание.

Подписано в тираж 13.05.2022.

Печ. л. 7,38. Усл.-печ. л. 6,86. Уч.-изд. л. 5,18.

Объем 1,68 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 22-0067.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,
115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.